

С $\frac{149}{179}$

т. 1.

1951.

ИЗБРАННЫЕ
СЦЕНАРИИ
СОВЕТСКОГО
КИНО

1

ИЗБРАННЫЕ СЦЕНАРИИ СОВЕТСКОГО КИНО

В ШЕСТИ ТОМАХ

Редакционная коллегия:

В. КОЖЕВНИКОВ, Г. МДИВАНИ, М. СМИРНОВА,
М. ЧИАУРЕЛИ, А. ШТЕЙН

ГОСКИНОИЗДАТ • 1951
МОСКВА

ИЗБРАННЫЕ СЦЕНАРИИ СОВЕТСКОГО КИНО

ТОМ

1

ГОСКИНОИЗДАТ · 1951
МОСКВА

*Г. Козинцев
Л. Трауберг
Л. Славин*

ФИЛЬМ ПО ЭТОМУ СЦЕНАРИЮ
ВЫПУЩЕН 23 МАЯ 1937 г.
ПРОИЗВОДСТВО КИНОСТУДИИ
ЛЕНФИЛЬМ

В 1941 г. ФИЛЬМ «ВОЗВРАЩЕНИЕ МАКСИМА»
УДОСТОЕН СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ
ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ

Под звуки далекой гармонии возникает на экране пустынный переулочек рабочей окраины. Тусклый свет фонаря мерцает в тумане, неясно освещая покосившиеся деревянные домишки, непролазные лужи, гнилые доски тротуара.

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ, ЗА НАРВСКОЙ ЗАСТАВОЙ, ЖИЛИ-
БЫЛИ ТРИ ТОВАРИЩА.

Издалека раздаются знакомые слова старинного вальса:

Крутится-вертится шар голубой,
Крутится-вертится над головой,
Крутится-вертится, хочет упасть,
Кавалер барышню хочет украсть...

Смутно видные в сумеречном тумане, идут, обнявшись, три товарища: Максим, Андрей, Дема. Идут и поют свою любимую песню. Они проходят под фонарем, и на мгновение мы видим их лица — молодые, беззаботные, веселые.

Три товарища идут переулком, скрываются в мутной пелене тумана. Мерцает сквозь мглу огонек фонаря... Затихает вдали гармонь.

ОДИН ПОГИБ НА ЗАВОДЕ... ДРУГОГО ПОВЕСИЛИ... А ТРЕТИЙ...

Медленно погрузился в темноту пейзаж рабочей окраины.

Обложка дела департамента полиции. Короткие, волосатые пальцы раскрывают обложку, переворачивают страницы. Мы видим фотографии Максима, снятого в профиль и анфас, отпечатки пальцев, данные антропометрических исследований.

Пока шелестят страницы дела, сильный голос невидимого человека сообщает:

— Партийная кличка Максим. Социал-демократ. Ленинец. Арестован в 1910 году. Воспрещено жительство в столицах и промышленных губерниях. Вновь арестован в 1912 году в Сормове, где руководил большевистской организацией. По дороге в тюрьму бежал...

Переворачиваются страницы: рапорты шпииков, донесения полицейских чинов, постановления суда, отчеты тюремного начальства.

— ...Вновь задержан в городе Казани. Постановлением судебной палаты сослан в село Парабели Нарымского края, откуда 25 марта сего 1914 года бежал...

Рука закрывает дело.

Гром военного оркестра оглашает улицы Санкт-Петербурга. По улице мерно катит пролетка: в пролетке сидит хорошо одетая дама. Она рассеянно поглядывает по сторонам.

Жаркий июньский день. Под звуки марша проходят потные, задыхающиеся под тяжестью амуниции пехотинцы. Газетчики выкрикивают последние события.

Над столицей парит полотняный биплан. Зеваки глядят на него с тротуаров, задрав головы.

Пролетка остановилась. Дама неторопливо сходит, расплачивается, идет по улице.

Она входит во двор большого серого дома.

Поднялась по лестнице. Второй этаж. Дверь. Дама звонит. На двери дощечка:

Андрей Ефимович Тураев

Депутат

Человек в потертой тужурке технолога встречает даму в передней, улыбается и приглашает ее пройти в комнату.

Оттуда несется зычный голос:

— Я хочу знать, на каком основании вчера запретили рабочее собрание на Охте?

В комнате у телефона стоит плотный мужчина с черными усами, в подтяжках; он громко кричит в телефонную трубку:

— Да, говорит, член Государственной думы Тураев!

Мимикой приветствует вошедшую в комнату женщину и сейчас же адресует яростный жест в сторону телефона:

— Тогда я буду иметь честь,—сжал кулак,—лично говорить с господином министром... мое почтение!

Вешает трубку.

— Здравствуй, товарищ Елена! Извини за...

Звонок телефона. Тураев нетерпеливо снял трубку:

— Да. Тураев у телефона. Что такое? Какой вечер? О вегетарианстве? Не могу. Занят. Мое почтение!

Повесил трубку, возмущенно крикнул. Елена, в которой мы узнаем старую знакомую — Наташу, и технолог улыбаются. Тураев не выдерживает, тоже хохочет. Спрашивает Наташу:

— Что нового?

— Свежая корреспонденция! — говорит Наташа и вынимает из корсажа увесистое письмо.

Тураев радостно вцепился в него:

— Из Кракова! Здорово! Нужно сейчас же Николаю!

Подходит к стене, стучит в нее, потом вместе с Наташей идет в соседнюю комнату. Вновь звонит телефон, технолог берет трубку.

— Квартира депутата Тураева. С какого завода? С Нобеля? Ты что же, не знаешь, что к своему депутату в любой момент можешь зайти? Хорошо, завтра...

В соседней комнате невысокий человек с копной волос, с маленькой черной бородкой, сидит над большими листами бумаги, держа карандаш в руках. Поднял голову. В воспаленных от бессонницы глазах — приветливая улыбка.

— Письмо от Ильича, Николай,—говорит Тураев, протягивая конверт.

Николай вскопчил, осмотрел конверт со всех сторон, облегченно вздохнул:

— Кажется, мимо охраны проехало!

Вскрыл письмо... Оттуда падают на стол четыре мелко исписанных листочка.

— Статья! — говорит Тураев, подхватывая листки...

Николай завладел пятым, совсем чистым листком.

Наташа уже зажигает свечу, и над ее пламенем Николай держит листок. Выступают буквы, слова, строчки. Николай негромко и торопливо читает письмо Ленина.

Звонит телефон. Технолог слушает:

— Да... Тураева... Сейчас...

Передает трубку подбегающему Тураеву.

— Да? — быстро и деловито говорит Тураев. — Сильно покалечило? Сетка предохранительная была? Ах, сволочи! Еду...

В другой комнате Николай говорит Наташе, передавая листы бумаги:

— Получай корректуру! Можно печатать. Только слушай, товарищ Елена, одно не годится.

— Что?

— Известно тебе, что на Невском заводе четвертый день идет стачка? Там уволили шесть токарей, отказавшихся сверхурочно работать над военным заказом.

— У нас об этом заметка.

— Заметка! Ее и не найдешь сразу! Выделить надо! С этой забастовкой дело плохо. К ней районные меньшевики примазались... Хорошего бы парня туда! Нет у тебя, Тураев?

Уже в пиджаке и шляпе, Тураев напряженно морщит лоб. Потом щелкнул пальцами:

— Предлагаю Федора!

— Не знаю такого, — замечает Наташа.

— Мудрено и знать, — говорит Тураев, — он из дальних краев. Рвется к работе.

— Прекрасно, — говорит Николай. — Поставь его кандидатуру на ПК и пускай в дело. Много ему нужно, чтоб начать?

— Да нет, — улыбается Тураев, — немного просит: явку для связи и гитару с хорошим звоном.

Все смеются.

— Ну, что ж, — заключает Николай, — благословляй раба божьего Федора на работу и выдай ему как партийное имущество звонкую гитару.

И ТОВАРИЩ ФЕДОР ПРИСТУПИЛ К РАБОТЕ.

Гитарный аккорд, и в сумеречной глубине окраинной улицы появляется франтоватый Максим. Он тихонько и с чувством поет:

Очаровательные очи,
Что вы так сверкаете,
Что во мраке темной ночи
Блеску не теряете?
Сколько раз из-за вас
Мучился, томился...
Один раз из-за вас
Чуть не удавился!..

Девушки, прогуливающиеся группами и парами, с любопытством косят глаза, смеются.

Очаровательный носочек,
Так кокетно вздернутый,
Подарю я вам платочек,
Аккуратно свернутый!..

Красивая девушка в окружении подруг; попрощавшись с ними, идет одна. За ней следует гитара и песня:

С чем сравню я ваши глазки?
Обязательно — ни с чем!
Не могу сравнить их даже
С ландриновским монпансьем!

Сзади девушки вырос Максим; позванивая на гитаре, завязывает разговор:

— Такая хорошенькая и одна! Я так думаю, что вам скучно одной прохаживаться?

— Совершенно даже не скучно, — надменно отвечает девица, однако не препятствует Максиму взять ее под руку.

Перебирая струны, Максим склоняется к девице и с видом опытного гуляки спрашивает:

— Все собрались?

Девушка, стыдливо хихикнув, шепотом отвечает:

— В чайной «Пчела» сидят, в шестом кабинете...

Максим, словно получив отпор, отшатнулся и громко зацел:

Подарю вам на прощанье
Шаль из Каспийских морей...

Девица, гордо передернув плечами, пошла в другую сторону, а Максим продолжает путь, выразительно напевая:

И, сказав вам «до свиданья!»,
Я уйду с тоской моей.
Сколько раз из-за вас,
Мучился, томился,
Один раз из-за вас
Чуть не удавился...

Хлопнула дверь чайной, прогудел оркестрион. Максим проходит через главный зал, где пьют и шумят посетители.

Стук шаров, восклицания встречают Максима в другом зале. Матерые любители бьют киями в шары и объявляют заказы.

Старый рабочий в пиджаке, склонившийся для удара кием, мешает Максиму пройти. Слышны понукания:

— Давай, Ерофеич! Бей!

Удар. Шар летит. Слышен чей-то сочувственный возглас:

— Промазал!

Старик сердито поворачивается, видит Максима, возмущается:

— Тыфу, нечистая сила! Двадцать шесть лет не мазал, а тут, видите ли, за спиной стоят, верный удар срывают. Теперь он шар положит; гляди, стрела!

Максим, стараясь пройти, с сокрушением извиняется:

— Не понимаю я, уж простите!

Стук киев о шары.

— Мимо! — раздается чей-то восторженный крик.

Старик бильярдист расцветает, толкаем Максима в бок и шепчет секретно:

— Хо-хо! А я ведь нарочно промазал! Заманивал! Такая у токаря Ерофеева школа!

Максим стороной быстро проходит, а за ним несется рев старика Ерофеева:

— Седьмого от двух бортов в угол!

Максим отворяет дверь незатейливо убранного кабинета. Дым столбом. За столом, уставленным пивными бутылками и закуской, сидят несколько человек разного вида: тут и рабочие, и молодой человек в пенсне, явно студент, и человек с седоватой бородкой в черной рубашке, подпоясанной шнуром. Человек с бородкой кричит, размахивая рукой:

— Маркс в письме к Энгельсу от 5 декабря 1862 года писал: «Чтобы развиваться, массы должны иметь время и возможности...» А вы... — увидав Максима: — Это еще кто?

— Свой! — говорит один из рабочих. — Присаживайся, товарищ Федор!

Студент в пенсне улыбается и с комическим недоумением говорит вполголоса:

— Только гитары и нехватало!

Максим скромно проходит в угол, садится на подоконник и с благодарностью принимает переданную ему кружку пива.

— Вы, — с силой говорит седобородый человек, — спешите, обостряете страсти...

— Мы? — вскипев, стучит кулаком по столу один из сидящих. — Мы, что ли, уволили шесть человек? Мы или хозяева?

— При чем тут хозяева? — досадливо морщится человек с седой бородкой. — Дело идет о тактике социал-демократии...

Раздается громкий гитарный аккорд. Человек с бородкой привскакивает. Студент повернулся и брезгливо спрашивает:

— Что вы там делаете с гитарой?

Все повернулись к Максиму. Он с виноватым видом отвечает:

— Я думал, что товарищ хотел о социал-демократии сообщить нам, а не соседнему кабинету. Извините!

— Опять эта большевистская игра в конспирацию, — гневным шепотом восклицает седобородый. — Мы пришли сюда не для забавы! Шесть рабочих уволено, из-за этого тысячи рабочих с Невского голодают. Мы ставим вопрос кондицио сине ква нон...

Звякнула растерянно гитара. Все обернулись. Максим сидит озадаченный.

— Чего это? — простодушно переспрашивает он.

Седобородый и студент переглядываются, пожимают плечами.

— Не понимаю, при чем тут гитара? — мягко говорит студент. — Мы ставим вопрос категорически. Забастовка на Невском заводе прекращается при условии отказа дирекции от репрессий по отношению к забастовщикам...

— Это что ж, значит, сдаемся и просим пардону? — восклицает один из рабочих.

— Отступаем с сохранением занятых позиций, — раздраженно говорит седобородый. — Как истинные марксисты...

Звон гитары.

— Прекратите, наконец, гитару, — кричит выведенный из себя студент.

— Извините! — флегматично говорит Максим. — Я думал, что товарищ говорит с нами, а не с соседним кабинетом...

— Я категорически требую, — резко говорит студент, — чтобы всяческие молокососы с дурацкими гитарами не мешали оглашению нашей резолюции...

— Да как ты смеешь, — вскипает один из рабочих, — так обзывать нашего товарища?

— Извините, — вежливо говорит Максим, — я за гитару не обижаюсь. Можно проверить, гитара очень хорошая. А насчет резолюции, как же можно кому-нибудь помешать внести резолюцию?

— Совершенно правильно, — смягчившись, кивает головой седобородый. — Видите, товарищ еще только впервые приступает к сознательной деятельности, однако уже понимает... Разрешите огласить!

Студент достает лист бумаги и читает:

— «Объединенное заседание районных рабочих организаций считает, что забастовка на Невском заводе из-за не-

правильного увольнения шести токарей, возникшая в неудачное время и с недостаточными возможностями, должна быть прекращена при условии беспрепятственного возвращения всех бастовавших к станкам без вычетов из заработной платы».

Общее молчание. Седобородый обводит всех острым взглядом и скорбно говорит:

— Друзья мои! Поверьте мне, старому марксисту! Главное — терпение... Очевидно, других резолюций нет? Предлагаю голосовать единственную.

— Отчего нету? — раздается тихий рассудительный голос Максима. — Как не быть резолюции? Мне товарищи за звучный мой голос поручили прочитать резолюцию, так уж позвольте мне...

— Товарищи! Это бог знает что! Уходит время...

— Главное, — философски замечает Максим, — терпение! Извините!

И в наступившей тишине он старательно читает:

— «Стаечный комитет считает, что при существующих кабальных условиях труда неминуемы забастовки. Забастовки обрекают рабочих на лишения, но являются могучим средством протеста и революционного воспитания масс. Забастовка на Невском заводе служит примером пролетарской солидарности. Необходимо коренная переделка условий труда. Рабочие Невского завода вернутся к станкам только на следующих условиях: а) возвращение шести уволенных; б) удаление с завода военного заказа; в) повышение на 15 процентов расценок; г) 8-часовой рабочий день.

Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!»

— Это неслыханно! — орет, вскочив, седобородый. — Ни один социал-демократ...

Звон гитары.

— Извините, — умоляюще говорит Максим, — мы же условились...

— Никаких условий! Мы не из тех крыс, что пищат в подполье...

— Оно, конечно, вы не из подпольщиков, — соглашается Максим. — Только я думаю, что резолюции обычно голосуются...

— Верно! Голосовать!

— Прошу слова перед голосованием! — заявляет студент. — Я настоятельно прошу прекратить это издевательство с гитарой.

— Слушаюсь! — говорит Максим.
— Так вот, кто за первую резолюцию?
Поднимаются три руки.
— За вторую?
Пять рук.
— Ура! — восклицает молодой рабочий. — Наша взяла!
Играй туш, Федор!
Седобородый и студент быстро шепчутся.
— Так вот, — говорит председатель-рабочий, — принимается, стало быть, вторая резолюция...
— Разрешите поправку? — говорит студент.
— Давай!
— Предлагаю вычеркнуть хотя бы пункт о восьмичасовом рабочем дне. Мотивирую: все пункты практические, а этот утопический. Сколько раз его повторяли, а ведь толку нет!
— И будем повторять! — сердито говорит один из рабочих. — Будем повторять, пока не добьемся своего.
— Кто за поправку? — приступает к голосованию председатель. — Меньшинство.
— Разрешите тогда... Я предлагаю заменить слово «неминуемы» словом «случаются» и вставить «к сожалению». «К сожалению, случаются забастовки». Смысл фактов не меняется, но только выявляется отношение. Вы же сами пишете, что «лишения». Значит...
— Я против! — сердито восклицает рабочий. — Нас жалеть нечего! Мы на забастовки идем, не жалея себя. А ты — «к сожалению»!
— Кто за «сожаление»? Меньшинство.
— Хорошо! — кричит седобородый. — Я не настаиваю на своей поправке. Но вот здесь явный плеоназм... плеоназм... Повторение! «Забастовки обрекают иногда рабочих на лишения, но являются...» и так далее. Зачем это «но»? Оставьте до «лишения» включительно, без «но».
— Шут с ними! Отдадим им это «но», — шепотом говорит председатель соседу. — Голосую. Кто за поправку?
Звон гитары. Студент вскакивает, не в силах сказать что-нибудь.
— Извините! — говорит Максим. — Это я от волнения. Убедили. Действительно, зачем это «но»?
— Нет, не говорите, его можно перетащить! — говорит шепотом седобородый студенту.
— Я предлагаю, — говорит Максим, — «но» выкинуть вместе с «лишениями» и оставить так: «неминуемы забастовки,

являющиеся могучим средством протеста и революционного воспитания масс». Вот и будет, как хочет товарищ, без этих плеоназмов.

— Хорошо! С нами не считаются! Нами пренебрегают. Мы отказываемся...

— Голосую резолюцию в целом!

— Погодите! Последняя попытка! Вы хотите быть фанатиками, невеждами, но будьте хотя бы логичны! К чему эти слова «военный заказ»? Не все ли равно, какой заказ? Выбросьте «военный».

— И тогда вы прекратите поправки? — кричит председатель.

— Прекратим.

— Хорошо! Кто за то, чтобы...

— Я против!

Максим соскочил с подоконника. Теперь его голос решителен и тверд.

— Не все ли равно, какой заказ! — отрывисто говорит он. — Вы что же, не знаете, что военные, именно военные заказы все больше заполняют заводы? Не видите, что из-за них, из-за спешного их изготовления, ради огромных прибылей, получаемых по военным заказам, идет новое наступление на рабочий класс? Порохом пахнет в воздухе, а вы — «выбросить слово»? Не из-за слова, а из-за буквы, надо будет, станем драться с вами, господа меньшевики!

— Правильно, Федор!

Седобородый стоит потрясенный.

— Издевательство! — почти визжит он. — Шенки мне лекции читать вздумали? Мне, марксисту с 1902 года? У меня за плечами время, а у вас что? Да вы понимаете, что еще Маркс писал Энгельсу 5 декабря 1862 года: «Чтобы развиваться, массы должны иметь время и возможности». Нет, мы уходим и хлопаем дверью.

— До свиданья! — говорит меланхолически Максим. — А, кстати, насчет письма, так сдастся мне, что не Маркс писал Энгельсу, а Энгельс товарищу Зорге и, кажись, не в том году, а позже, и стоит там, помнится, не точка, а запятая, и дальше идет, дай бог памяти, что «возможность массы получают лишь тогда, когда имеют свое собственное движение вперед». Трудно далась мне эта грамота и недавно, да оно и к лучшему, а то от времени за плечами иные и перевирают. И выходит — марксисты вы липовые!

Студент, растерявшись, отступил назад, невольно задел рукой гитару, раздался звон.

— Что вы там делаете с гитарой? — обернулся Максим.—
Ставь на голосование! Большинство? Значит, товарищи, забастовка продолжается... Что-что, а заказ этот на якоря для шаровых мин на Невском заводе делаться не будет!

— Вот это верно! — раздается чей-то голос.

Все поворачиваются.

На пороге — высокий, тощий рабочий.

— А, Семен! Что случилось?

— А то случилось, что все детали на якоря для шаровых мин вывезены с Невского завода в неизвестном направлении.

Молчание.

Доносятся возгласы из бильярдной:

— Вот это шар! Ну и бьет!

Максим говорит задумчиво:

— Плохо! Заказ где-то выполняют, а мы с забастовкой сели.

— Ну вот, — нервно говорит седобородый, — теперь нет и почвы для раздоров!

— Эх, — не слушая, шепчет кто-то. — Узнать бы, на какой завод перекинули, да поднять тот завод на отказ от работы!

— Если бы узнать! Кто ж, кроме хозяев, знает?

В этот момент один из рабочих, стоявший у двери, глядя в бильярдную, негромко говорит:

— Есть знающий. Вот он, сучий сын, в пирамиду всех обыгрывает. Да разве от него узнаешь?

— Где?

— Вон у бильярда! Хозяйский холуй из конторы.

— Сволочь! — замечает Семен. — К нему не подступишься.

Максим напряженно глядит.

— Гм! — говорит он. — Не подступишься? Что же это за человек?

— Сухую! — объявляет рослый красавец, стоящий у стойки в бильярдной с огромной кружкой пива в руке.

— Сухую имеешь!

— Петух тоже хвастался, а сдох, — бормочет кто-то сбоку.

Рослый красавец ставит кружку и зловеще поворачивается.

— А ну, скажи, — цедит он сквозь зубы. — Скажи еще чего-нибудь про петуха!

Все молчат.

— То-то же! — говорит конторщик. — Ну, бей, мазила!
Целящийся в шар потный Ерофеев вздрагивает как ужас-
ленный:

— Это кто же мазила? Я мазила? Тьфу, нечистая сила!
Вот я тебя!

Разъяренно бьет. Промах. Ерофеев, моргая, глядит под бильярд. Конторщик, весь как-то собравшись, хищно идет к бильярду. Бьет и выигрывает. Партия закончена.

Поднимается гул. Ерофеев подходит к лузе, проверяет растерянно, нет ли обмана, потом, разводя руками, добро-
душно говорит:

— Не привык. Не привык я к такому бильярду.

— Вот посидишь под ним, привыкнешь, — величественно заявляет победитель, влезая на тумбу у стойки.

Ерофеев благодушно смеется и говорит:

— Шутник! — Обращается к другим, подмигивая. — Двадцать шесть лет его знаю, все шутит.

Конторщик единым глотком выпивает поднесенную кружку и сурово изрекает:

— Кому — шутки, а тебе — сидеть!

— Не связывайся, лезь! — под сурдинку советует Ерофееву один из рабочих. — Разве это человек? Гнида и деспот.

— Давай, Ерофеч! — воет парочка полупьяных зевак.

— Полезай, Василий Кузьмич!

Ерофеев дергает за рукав конторщика. Грызая могучими зубами воблу, конторщик поворачивается. Ерофеев шепотом, с большой искренностью говорит:

— Может, три рубля возьмешь? Нехорошо потомственному токарю — двадцать шесть лет у станка — бесчеститься!

Пауза... Конторщик кладет изгрызанную рыбину, медленно выпрямляется, глаза налиты кровью.

— Как? — шипит он. — Токарь, пекарь — все это на одно: забастовщики, смутьяны, невежи!

Ерофеев пятится. Недовольный гул среди рабочих.

— Лезь, — крикнул конторщик, взмахнув воблой.

Ерофеев лезет под бильярд. Толпа безмолвствует, только двое пьяненьких улюлюкают и хохочут. Конторщик самодовольно и торжественно оглядывается.

— И ловко же вы играете! — раздается сбоку восхищенный возглас.

Конторщик поворачивается: подле него стоит Максим — весь воплощение наивности и восторга.

— Деньги у тебя есть? — отрывисто спрашивает конторщик.

— Есть,—воскликает радостно Максим и демонстрирует три кредитки.

— Деньги ваши будут наши! — заявляет конторщик. — Бери кий, получишь сухую: трешка — мне, сам под бильярд.

— Какой же это игрок? — кричит из-под бильярда Ерофеев. — Он отродясь кия в руки не брал. Сукно изорвет!

— Цыц! — пихает его ногой конторщик.

— Нехорошо, — шепчет один из рабочих, бывших на заседании, другому. — Чего он делает? Под столом сидеть — уважение потерять.

— Становись! — толкают Максима усердствующие зрители. — Какая честь дураку!

Максим берет кий и, следя за тем, что делает конторщик, подражает ему: натирает мелом кончик кия, сгиб между пальцев... Конторщик разбивает шары искуснейшим образом, так что Максиму нечем играть.

— Дозвольте поглядеть, как судьба решается! — говорит Ерофеев, вылезая из-под бильярда.

Максим долго целится, бьет и мажет.

Ерофеев схватился за голову.

Конторщик бьет шар, попал; еще удар — и еще шар в лузе. Третий не вышел. При общем одобрении конторщик лениво сообщает:

— Своя процента сделана. Прошу!

Максим целится.

— Как кий держишь? — стонет Ерофеев. — Что это тебе, ружье?

— Политики, — саркастически замечает седобородый меньшевик студенту, и оба уходят.

Максим готовится ударить, вдруг остановился и застенчиво спрашивает конторщика:

— Значит, если я два положу, три рубля мне и, — указывая на Ерофеева, — его из-под бильярда?

— Ох, и дурак! — говорит конторщик. — Да!

Максим снова целится, вот-вот ударит, вновь задерживает кий.

— Да бей же! — кричит в полном отчаянии Ерофеев.

— А если я восемь положу? — озабоченно спрашивает Максим.

Взрыв хохота. Ерофеев машет рукой и лезет под бильярд.

— Эге, — догадливо говорит кто-то из участников заседания, — теперь держись!

— Восемь положишь, — гудит конторщик, — я под бильярд.

Хохот. Максим нацеливается и бьет. Шар в лузе. Общее изумление.

— Раз, — меланхолически говорит Максим.

Бьет. Шар в лузе.

— Два! — говорит Максим.

Круг суживается. Удар. Шар в лузе.

— Три.

Ерофеев медленно выползает из-под бильярда. В толпе легкий, невнятный гул.

Удар. Шар падает в лузу.

— Четыре! — считает Максим.

Улыбаются сидевшие в кабинете. Шум усиливается. Конторщик вылезает вперед, присматривается. Ерофеев протирает глаза, Максим кладет труднейший пятый шар. Шум голосов переходит в стихийный рев восторга.

— Милый, — орет, протискиваясь, Ерофеев.

Максим шепотом спрашивает у соседей пояснений, потом тихим, извиняющимся голосом объявляет:

— Двенадцатого — в правый, третьего — в левый угол!

— С ума спятил! — взвизгнул кто-то.

Рррраз! Шар летит. Стук, стук... Шары ложатся в предназначенные лузы.

— Семь! — сообщает кто-то.

И тогда в бильярдной все вскакивают; слышны крики, радостный хохот, чьи-то причитания. Ерофеев кричит:

— А, что я говорил? Моя школа! Двадцать шесть лет учил его! Дай обниму тебя, сукин ты сын!

Низенький рабочий скачет перед конторщиком, счастливо хохочет и ядовито вопрошает:

— Вот тебе и токары! Вот тебе и пекарь! Что, канцелярская крыса, взял? Полезете под стол, ваше степенство?

Конторщик, мрачно оттолкнув рабочего, идет к Максиму и, с ненавистью глядя на него, спрашивает:

— Разыгрывать меня вздумал?

— Что вы! — с огорчением восклицает Максим. — Да разве бы я посмел? Случайность: я с детства к наукам приспособленный.

— Посмел или не посмел, — нравоучительно говорит Ерофеев, протискиваясь вперед, — да только не умеешь ты с людьми разговаривать. Вот что, ваше степенство, вы уж три рубля готовьте и лезть собирайтесь! Будете знать, как над рабочими издеваться.

Хор голосов поддакивает, лица грозны. Конторщик оказался в окружении врагов, тревожно озирается.

Шум усиливается.

Вдруг Максим прыжком вырывается из толпы и кричит:

— Назад!

Голос его страшен. Люди пьются.

— Да как вы смеете, — говорит Максим, — на моего лучшего, рад бы сказать, друга, орать?

— Он на рабочего злобствует, — отозвался кто-то.

— Да ведь он шутил, — восклицает Максим, — ты сам, дядя, говорил, что он шутник.

— Говорил я? — осведомляется Ерофеев у соседей и, получив утвердительный ответ, отзывается: — Шутник-то он шутник, да только с другой стороны.

— Сам ты игрок с другой стороны, — огрызается Максим, и к конторщику: — Ведь вы шутник?

— Шутник, — убежденно говорит конторщик.

— Видали? — торжествует Максим. — Партия продолжается!

И вдруг счастье меняется. Максим «мажет». Конторщик берет в руки игру. Пользуясь тем, что Максим не может теперь попасть в самые легкие шары, он сравнивает счет и побеждает.

Голоса разочарованных зрителей покрываются оглушительным ревом конторщика. Бросив кий, он кидается к Максиму, трясет его руку.

— Вот это партия! Эй, дюжину пива для моего сердечно-го друга!

— Я угощаю, — протестует Максим.

— Попролам! — великодушно машет рукой конторщик. И бутылки пива перелетают из буфета в кабинет.

Звонит семиструнная, Максим поет:

Очаровательные очи,
Что вы так сверкаете,
Что во мраке темной ночи
Блеску не теряете?

— Здоровье Платона Васильевича! — обрывает песню Максим.

Все поднимают бокалы. Польщенный конторщик пьет до дна. Максим и рабочие незаметно выливают пиво в цветочный горшок. Ерофеев, не видя этого, а замечая только быстрое исчезновение пива в бокале Максима, неодобрительно качает головой.

— Спасибо, детки!—говорит растроганный конторщик.— Хоть и бастуете, против дирекции идете, а все-таки люди ничего....

— Что ж, что против директора, — откликнулся молодой рабочий из компании Максима, — разве это директор? Вот если б такого, как вы, Платон Васильевич!

— Зачем ему в директора? — говорит Максим рабочему. — Он на своем месте, может, важнее. Заказы через кого проходят? Через него!

— Через меня, — подтверждает конторщик выпивая.

— Главную книгу кто ведет? Он ведет.

— Я веду, — торжествующе заявляет конторщик закусывая.

— Или вот, к примеру, — словно осененный, восклицает Максим, — из-за чего на заводе бастуют? Из-за якорей для мин.

— Верно!

— А кто заказ вписывал? Он вписывал.

— Я, правильно!

— Заказ увезли, кто накладные выписывает, у кого все в руках?

— У меня все в руках, — говорит конторщик отдуваясь. — Правильно! Твое здоровье, умный ты человек!

Конторщик пьет, остальные незаметно выливают пиво.

— Чепуха! — категорически возражает Семен. — Не может он знать, один директор знает, на какой завод заказ переброшен.

— Врешь! — оскорбляется конторщик. — И я знаю. Только вещь это секретная.

— Правильно! — соглашается Максим. — Выпьем!

— Не знает, потому и секретная. От него тоже секрет,— упрямо, как захмелевший, говорит Семен.

Платон Васильевич тяжело поднимается, подходит к Семену и, схватив его за грудь, уничтожающе цедит:

— От меня на заводе секретов нет. Я — лицо доверенное. Надо, так молчу.

— Моя школа, — вырвался вперед Ерофеев. — Весь в меня. Терпеть не могу болтать!

И вдруг конторщик нетвердыми шагами идет к своему стулу, садится и отрывисто бормочет:

— Не выведать вам... Знаю, а вам — ни-ни...

— Правильно! — миролюбиво говорит Максим. — А мне, даже если захочешь, не говори. Охота мне про эти дела знать!.. Ты вот лучше в бильярд меня обучи...

В глазах конторщика вспыхивает симпатия к Максиму.

— Нет, тебе я сказал бы, а им нет.

— Пошел к чертовой матери! — благодушно заявляет Максим. — И слушать не хочу.

— Да как ты смеешь не слушать, — орет конторщик, — если я пожелаю тебе сказать?

— Неинтересно, — в свою очередь кричит Максим, — сам знаю, на Лесснера свезли.

Конторщик тупо пялит на него затуманенные глаза.

— Дур-рак! — говорит он сонно и снисходительно и, могучей рукой притянув к себе Максима, что-то шепчет ему на ухо.

Максим отбивается:

— И не слышал ничего. Плевать мне! Твое здоровье!

Конторщик пьет и закрывает глаза.

Максим запевает томно:

Очаровательные очи,
Что вы так сверкаете?..

Раздается богатырский храп конторщика.

Вы во мраке темной ночи
Блеску не теряете.

Ерофеев старческим голосом подпевает:

Сколько раз из-за вас...

Конторщик храпит. Максим произносит отрывисто и негромко:

— На Северном!

У Ерофеева изумленные глаза.

Кто-то из компании недоверчиво качает головой:

— Наврал!

— Не может быть, чтоб на Северном...

Ерофеев хочет закричать, но, испугавшись соседей, шепчет:

— Не может быть, чтоб на Северный — якоря для мин! Я ж на Северном! Котлы немецкого типа у нас делают, а якорей отродясь не делали.

— Вот ты и проверь!

— И проверять не стану. С кем спорите?

— Проверить, конечно, мало, — заключает Максим. — Надо хвататься за ниточку. Завтра же все рабочие Северного должны знать.

— Как же они узнают, чужак?

— Вот так и узнают, милый! Для этого, на радость нам и на страх нашим врагам, существует она, наша дорогая, золотая, любимая...

Вынул из кармана «Путь правды», положил на стол.

— Кто про что, а Федор — про девушку!

— Моя школа! — умиленно восклицает Ерофеев. — За здоровье твоей девицы, парень!

— За здоровье моей девицы! — говорит Максим и залпом пьет пиво.

Газета «Путь правды» лежит на столе.

Ивановская улица. Темносерый дом № 14. Фонарь. Сбоку от ворот вывеска:

*Товарищество
«Художественная печать»*

В эти ворота через один, затем другой двор проходит Максим и поднимается по лестнице.

Идет по площадке мимо дверей с названиями печатающихся в типографии газет: «Луч», «Земщина», потом отворяет дверь с надписью «Путь правды» и входит в крохотную комнатку, доотказа набитую народом. Тут и рабочие, не успевшие побывать днем, и сотрудники, ожидающие первого оттирка, и наборщики, пришедшие за правкой.

Максим останавливается. Он слышит выделяющийся в общем жужжании ровный и ясный женский голос:

— Заметка твоя шла, товарищ. Номер, понимаешь, был конфискован...

Максим невольно вздрагивает. А женский голос продолжает:

— В следующем номере опять пойдет. Нет, не забуду. Знаешь, я не из забывчивых.

Максим готов крикнуть, но сдерживает себя. Из толпы идет, не замечая его, женщина.

Она останавливается в трех шагах от Максима. Кто-то протянул ей листок. Она говорит:

— Резолюция? Давай!

Углубляется в чтение. Сзади шум голосов, шум шагов, и на этом фоне начинается тихий свист: звучит старая, давно забытая мелодия. Женщина поднимает голову, хмурит брови, взгляд у нее делается рассеянным. Потом она, словно отмахнувшись, вновь читает. Громче свист. Женщина снова

поднимает голову. Свиста нет, но женщина повернулась туда, откуда он шел, и увидела Максима.

Пауза. Наташа и Максим смотрят друг на друга.

Человек, давший Наташе листок, спрашивает:

— По-моему, товарищ Елена, хорошо!

И Наташа отвечает:

— Лучше и быть не может.

Подходит к Максиму. Он говорит ей:

— Здравствуй, товарищ Елена! Вот не ожидал встретить.

А я — Федор.

— Ты — Федор!

— Помнишь?

— Здравствуй, товарищ Федор. Помню.

— А я думал, — счастливо улыбаясь, говорит Максим, — что ты не здесь, что ты далеко, где-нибудь на Байкале...

— И я тоже думала, что ты далеко...

Смеются. Наташа продолжает:

— А я хотела тебя спросить...

— Знаю, чего спросишь, — говорит лохматый высоченный парень, откуда-то вынырнувший. — Про стихи спросишь. Готовы. Послушаешь?

Наташа жалобно глядит на Максима, он — на Наташу.

— Ну, читай! — улыбается она.

Парень подозрительно косится на Максима.

— Знакомьтесь! — говорит Наташа. — Товарищ Федор. Павел с Северного завода.

— С Северного? — подхватывает Максим. — Очень хорошо.

Парень читает неумелые, но трогательные стихи. Максим и Наташа слушают, глядя друг на друга. На лицах у них — все растущая радость.

Парень заканчивает и, робко переводя взор с одного слушателя на другого, спрашивает:

— Хорошо?

— Хорошо! — нежно говорит Наташа.

— Просто замечательно, — подхватывает Максим.

Лицо Павла сияет, он бодро говорит:

— Тогда я перепишу начисто.

Отходит. Наташа, чувствуя угрызения совести, шепчет задумчиво:

— Размер, правда, хромает...

— Зато чувства сколько, — убежденно говорит Максим.

Но Наташа не слушает и кричит вслед Павлу:

— Ты за размером последи, я проверю.

— Товарищ Елена! — зовет кто-то.

Наташа шепотом Максиму:

— Давай, удерем в коридор, а то здесь беда!

Выскальзывают в коридор. Там пусто, слышен гул машин. Одним движением они взяли друг друга за руки, в одно и то же время сказали:

— А помнишь?

Из-за угла выскакивает технолог с папиросой в зубах.

Увидев Наташу, папиросу вон из зубов, фуражку — с головы, сияет:

— Здравствуй, товарищ Елена! Получай новую корреспонденцию, — покосился на Максима.

Наташа, встрепенувшись:

— Давай, давай! Несу в набор.

Технолог:

— Правильно. Ой, что-то сегодня ты больно веселая!

Передает ей пакет, исчезает... Наташа быстро идет в наборную. Максим за ней.

Наборная. Туман от свинцовой пыли. Нагромождение столов и касс, над которыми тускло горят электрические лампы.

— Эй, ментор, метранпаж! — кричит Наташа, потрясая рукописью.

Приближается старик метранпаж, окруженный свитой молодых наборщиков, в блузах, с просвинцованными лицами. Метранпаж свирепо смотрит на Наташу. Она говорит категорически:

— Надо срочно набрать эту заметку!

— Заметка! Это же полное собрание сочинений Тургенева! — Метранпаж взвешивает на руке пакет. — Поздно. Все заверстано.

Наташа:

— Почерка не узнал?

Метранпаж смотрит последнюю страницу, там подпись: «В. Ильин».

— Ленин! — вскрикивает метранпаж и, стремительно разделив рукопись, раздает наборщикам.

— Слушай! — говорит деловито Максим Наташе. — Мне тоже обязательно надо в набор заметку!

— Покажи! — говорит Наташа... — Что такое?

Она берет рукопись и быстро читает:

— Хорошо! Хорошо! А вот это не годится!

— Почему не годится?

Наташа читает:

— «...Рабочие знают, что только большевики...» О большевиках ты и думать забудь! — Максим испытующе смотрит на нее. Наташа объясняет: — Слово-то нецензурное! Вместо «большевики» мы напишем «последовательные марксисты».

— Рабочие ни черта не поймут, — слабо возражает Максим.

— За рабочих не беспокойся! Они наш условный язык великолепно понимают. — Читает про себя дальше. — Опять не годится.

— Что?

— «Связь с партией обеспечивает рабочему классу...» За «партию» газету закроют. Тут условный термин нужен: «марксистское целое». А это что? «Восьмичасовой рабочий день». Нет более страшных слов для цензуры.

— Эх! — смущенно говорит Максим, — а ведь ты права! Разучился. Хоть сначала начинай!

— Ну, не волнуйся! Мы поставим так: «неурезанные лозунги». Вот теперь получается: «Связь с марксистским целым обеспечивает рабочему классу достижение неурезанных лозунгов». Великолепно! Не правда ли, Максим?

Максим зловеще молчит.

— Максим!

— Нету Максима, — таинственно говорит Максим. — Условный есть термин: Федор.

— Ох, я и забыла! Федор! Все равно для меня ты всегда будешь, — беззвучно, одними губами, — Максим...

Пустынная предрассветная улица Петербурга. Подернутые сыростью, блестят торцы мостовой. Мчится в пролетке, кутаясь в плащ, чиновник. Еще две пролетки, заполненные городовыми.

Малый в кепке, стоящий на перекрестке, слышит стук дрожек, всматривается, срывается с места, бежит.

Забор.

Моросит мелкий дождик. Под забором ежится от холода и сырости несколько фигур. Это представители рабочих и газетчики ждут утра.

Они обмениваются репликами:

— Нынче лето холодное!

— Климат!

— Еще долго ждать?

— Может, опять случится...

— Как ты соображаешь, что с нами будет, если поймают: каторга или ссылка?

— А я об этом не думаю...

Печатаются номера «Правды».

В комнату редакции вбегает малый в кепке, с трудом переводя дыхание, кричит:

— Идут!

Поднимаются по лестнице цензор и городовые.

Проходят, тяжело ступая, по коридору. Наборщики вбегают в машинное отделение, кричат, торопят.

Посредине редакции стоят взволнованные Наташа и другие сотрудники.

Лысый, моложавый цензор говорит официальным, деревянным голосом:

— На основании распоряжения инспектора по делам печати сегодняшний номер «Правды» конфискуется. Дальнейшее печатание прекращается.

— Но позвольте...

— Можете жаловаться... — отмахивается цензор.

— Но у нас разрешение, — сдерживая себя, говорит Наташа.

— Можете жаловаться! — заявляет цензор и, повернувшись к городовым, приказывает: — Приступайте!

Дверь открывается. На пороге — запыхавшийся человек в котелке. Он останавливается, преграждает путь цензору, последнюю реплику которого слышал.

— И надо будет жаловаться, — громко говорит он. — Дышать не дают.

Цензор останавливается, выпучив глаза:

— Вам что угодно?

Человек в котелке — Тураев — молча протягивает визитную карточку.

Пока цензор читает, Тураев осторожно подмигивает Наташе. Она отвечает тем же.

В машинном отделении рабочие спешно выхватывают из-под машины готовые номера «Правды» и торопливо уносят их с собой.

— Господин депутат, — говорит повышенным тоном, хотя и менее нахально, цензор. — Потрудитесь не мешать! Вы посторонний человек газете, вас это не касается.

— Как это не касается? Я рабочий депутат, и газета рабочая. Мы делаем одно дело.

— У меня предписание.

— Покажите! — повелительно говорит Тураев.

— Извольте!

— Не годится, — заявляет Тураев, прочитав бумагу.

— То есть, как это не годится?

— Здесь говорится о конфискации номера «Правды», а у нас печатается «Путь правды».

— Можете жаловаться! — визжит цензор. — Где машинное отделение?

— И пожалуемся, — вдруг остервенело кричит Павел. — Пожалуемся не вашей полиции, а рабочему классу.

— Молчи, Павел! — говорит Наташа. — Перед кем ты тратишь?

В машинном отделении городские вырывают газеты из машин, ломают стереотипы, рассыпают набор. Грязные сапоги полицейских топчут «Правду».

Под забором напряженно ждут мужчины, женщины, дети. Сверху быстрый шепот:

— Товарищи!

Над забором появляются головы наборщиков «Правды». Ожидющие встрепенулись.

— Принимай!

Торопливо опускаются пачки с номерами «Правды». Ожидющие запикивают их под одежду, заворачивают в тряпки и один за другим бегут.

Вдали раздаются свистки.

По боковым переулкам мчатся, свистя, городские.

Теперь на заборе — Максим и Павел с новой кипой номеров:

— Принимай!

Свистки. Бегут вдалеке городские.

Женщина берет газеты.

— Скорей, беги! — торопит ее сверху Павел.

— Не впервой, — говорит она. — Давай еще! На моих не хватит.

— Стой! Держи! — раздаются яростные крики, свистки.

Маленький парнишка Фомка кричит:

— Мне давай! Что же ты? Эх, экспедиция!

Ему дают газеты. Свистки ближе.

— Врешь, — бормочет Фомка, — не напугаешь!

— Беги! — кричит сверху Максим. — Не шали!

— Что я, маленький? Знаю.

И под свистки и окрики приближающихся полицейских Фомка тремя прыжками исчезает.

Неуклюже бегут городовые.

Тишина. В наборной, в машинном отделении пустота, разгром. Лежат грязные рваные листы газеты.

В редакционной комнате угрюмо сидят сотрудники.

— Что же, — говорит Тураев, — «Путь правды» кончился. Нового редактора для отсидки надо искать. Новое название.

— «Голос правды», — предлагает кто-то.

— «Рабочая правда», — говорит другой.

— Было.

— «Трудовая правда», — говорит Наташа.

— Это подходит, — ободряет Тураев, — пиши, Елена: «Трудовая правда», «Трудовая», «Рабочая», «Пролетарская» — все одно рабочий ее под одним родным именем знает: «Правда».

— «Правда», рабочая газета «Правда»!

Фомка бежит по улице. Пробегает мимо освещенного подвала, окно которого раскрыто.

Внутри подвала пекарня. Топка пышет жаром.

Полуголые пекари обливаются потом. Вдруг один из них бросился к окну, потом спрыгнул вниз, держа лист «Правды». Бросив работу, все кидаются к нему.

— «Правда», рабочая газета «Правда»!

Фомка продает газеты группе людей, идущих в ворота завода. И вновь летит по улице, а улица все светлеет и светлеет. Восходит июльское солнце, в расходящемся тумане бежит, размахивая газетами, и звонко кричит мальчишка. На минуту остановился, подтянул дырявые штаны и, вспомнив что-то, с гримасой сам себе сказал:

— Не шали! Не маленький!.. «Правда», настоящая рабочая газета «Правда»!

Рассвет. Гудит Северный завод. Проходят рабочие. Прислонившись к фонарю, стоит Максим. Курит. К нему подошел Павел. Разговор шепотом. Павел передает Максиму номерок, тот ему какую-то бумажку. Идут к заводу.

У проходной конторы. Павел останавливает двух-трех рабочих, шепотом говорит с ними. Они окружают его и Максима и все группой идут через контору. У самого входа, где происходит проверка, один из них, вскрикнув, хватается за ногу, и в создавшейся пробке проходит, опуская номерок, Максим.

Двор завода. Расходятся по цехам рабочие.

Идут Максим и Павел. Они незаметно подходят к группе рабочих, собравшихся в укромном закоулке.

В руках у некоторых рабочая газета. Слышен голос взволнованного Ерофеева.

— И кому это, нечистая сила, дают заметки писать? Все переверано.

— Где?

— Да вот! Пишет какой-то хлюст про наш завод: «Все четыре тысячи рабочих Северного завода...» А каких нас четыре тысячи? Нас четыре тысячи с лишним!

— Наврал, ясно!

— Да слушай дальше. «Связь с марксистским целым обеспечивает рабочему классу достижение неурезанных лозунгов...»

— Ну, это понятно! — отзывается кто-то.

Ерофеев косит глаза и сейчас же продолжает:

— Я и говорю, что понятно. А вот: «И этот заказ переброшен на Северный завод». Слышишь?

Один из рабочих вмешивается:

— Ну и что?

— Да нет же такого заказа на нашем заводе!

— «Правда» ведь пишет, Ерофеев.

— Ты «Правду» не тронь! «Правда» не обманывает. А вот хлюст «Правду» обманул.

Максим, улыбаясь, выступает вперед:

— А может и не обманул! Ты проверь.

Ерофеев всматривается и вдруг радостно говорит:

— А-а! Здорово, нечистая сила! Только ты в это дело не суйся! Двадцать шесть лет я на этом заводе, каждый уголок знаю. Где ж они, эти модели заказа? Что-то я их не вижу.

— Не видишь? — говорит Павел. — А ну, ребята, пошли!

Задний двор. Осторожно, оглядываясь, подходят рабочие к груде металла.

— Эти? — усмехається Ерофеев. — Чепуха! Где же на них написано, что это тот самый заказ?

— А ты хочешь, — улыбаясь, спрашивает Максим, — чтобы при них удостоверение тебе было?

Общий смех. Павел говорит мирно:

— Можно и удостоверение.

Вынимает из кармана грубый рисунок.

— Клейма-то они стерли, а номер модели остался. Да и по рисунку видно.

Ерофеев откашливается. Возбужденные возгласы:

— Она!

— Самая!

Ерофеев сердито:

— Раскудахтались! Конечно, она. А что я говорил?

Щегольской «Фиат» подъезжает к конторе Северного завода.

В автомобиле, и побаиваясь и упиваясь ездой, восседает конторщик Платон Васильевич.

Заводский служащий соскочил с переднего сиденья, открыл дверцу, и Платон Васильевич, неуверенно шагая по земле, направляется вслед за служащим в заводоуправление.

У входа он останавливается и с тревогой осведомляется:

— А зачем я понадобился?

Служащий разводит руками и пропускает конторщика вперед.

Кабинет дирекции; на стенах — диаграммы, чертежи, изображения военных кораблей.

Конторщик остановился в дверях кабинета, трепеща и вытягиваясь, затем почтительно кланяется.

— А, Платон Васильевич! Милости просим! — раздался ласковый голос.

Конторщик поднял голову, чуть ободрился, на цыпочках подошел к письменному столу.

За столом сидят строгий господин с бачками, немного в стороне от стола два инженера, а перед самым столом в одном из двух кресел для посетителей сидит корректно одетый улыбающийся господин с портфелем и котелком на коленях.

Платон Васильевич снова еще усерднее кланяется этому господину, словно признав в нем хозяина.

— Садитесь, Платон Васильевич! — ласково говорит этот господин.

Платон Васильевич, все больше ободряясь, опускается в кресло.

— Курите? — с любезностью обращается к нему господин с бачками и придвигает ящик с сигарами.

Платон Васильевич вздрагивает, но, тотчас успокаиваясь, берет сигару и неумело возится с ней.

— Рекомендую, — улыбаясь, обращается господин с котелком к прочим, — Платон Васильевич Дымба, гордость и украшение нашей конторы...

Платон Васильевич уселся удобней и принялся курить сигару, как дешевую папиросу.

— В прошлом году представлялся в числе прочих патриотов — депутатов от фабрично-заводских предприятий — его величеству, — расхваливает господин с котелком. — Не правда ли?

Платон Васильевич, выпучив глаза, торжественно отбарабанил:

— Имел счастье лицезреть обожаемого монарха!

— Он и ведет у нас книги секретных заказов, — подхватывает господин, — почерком славится!

— Талант-с, — скромно расцветая, сообщает конторщик.

— При этом в отношении тайн...

— Могила! — попыхивая сигарой, заверяет конторщик. — Главное, слезу за каллиграфией-с, а не за содержанием...

— Насколько мне известно, вы и на бильярдном поле с успехом подвизаетесь, — фамильярно обращается господин с котелком к конторщику.

— Первый игрок в Санкт-Петербурге! — самодовольно заявляет конторщик. — Извольте видеть, играю в последнем и...

— И что же, приличные партнеры попадаются? — перебивая, осведомляется с живейшим интересом господин.

— Мазлы! — с огорчением восклицает конторщик. — Мне не развернуться... Вот, если бы...

Он потрясен осенившей его догадкой о причинах вызова.

— Вот, если бы с вами-с! — кричит он в полном восторге, — четыре шара вперед...

— И скажите, — перегнувшись к нему, озабоченно спрашивает господин, — вы с партнерами ни в какие интимные разговоры? Никаких секретов?

— Ой, умру! — покатывается конторщик. — Уморили!... Что вы, я, да с этими...

— Кто же по-вашему, черт вас дери, — загремел господин, яростно стукнув кулаком по столу, — кто им дал материал для этой статьи, негодяй вы этакий?

И перед глазами остолбеневшего конторщика появился номер «Правды».

— Ваше превосходство... ваше высокопре... — залепетал кон-

торщик, обалдело глядя на газету, — ни в чем не повинен... главное-с каллиграфия, а...

— Кто им дал сведения? — орет, вскочив, взбешенный господин, — никто, кроме вас... Мы проверили.

— Ваше сия...

— Вы в пьяном виде, наверное, разболтали всем... Вас за это сгноить в тюрьме, сослать, повесить...

— Ваше высокосия...

— Среди ваших собутыльников, — неистовствует господин, — случился какой-нибудь мерзавец, сотрудник этой газеты... — Вдруг Платон Васильевич слабо пискнул и снова замер. — Из-за этих газеток наш завод стоит, — кричит господин, — теперь их завод забастует... Какой-нибудь агитаторишка, изменник царю и родине... проникнет, смутит... а виною — вы!

— Ваше сиятельство! Я его...

Внезапно господин с котелком остывает, садится и сухо говорит, придвигая ящичек:

— Курите!

Платон Васильевич, дрожа, сосет потухшую сигару.

— Имеете подозрения? — лаконически спрашивает господин.

Остальные жадно перегнулись к конторщику.

— Гм! Гм! — мычит конторщик.

— Ищите! — командует господин.

— Отыщу! — хрипит конторщик.

— Найдете, сейчас же полиции! Заразу надо вырвать с корнем! Вы, господин Дымба, человек стойких убеждений.

— Умереть на месте! — пылко заявляет конторщик.

— Вы же видите, что творится в городе! Мерзавцы мутят рабочих, зовут свергать царя, убивать нас, вас, честных служащих!..

— Ваше... Да я их!..

— Ступайте!

Конторщик вскакивает, едва не падает и, усердно кланяясь, отступает к двери. Вслед ему окрик:

— Свяжитесь с полицией!

— Слушаюсь.

И Платон Васильевич вмиг за дверью. Остановился, еле переводя дух. Глаза полны звериной ярости. Покряхтев, глухо восклицает:

— Полиция! — Презрительно сплюнул, сжал мощный кулак, потряс им. — Что мне полиция? — И кулак нанес удар невидимому врагу.

Льет теплый июльский дождь. Под навесом стоит Максим. Мимо пробегают прохожие с зонтиками. Под навес прячется Наташа, мокрая, несмотря на зонтик. Она отряхивается. Максим и Наташа глядят друг на друга и хохочут.

— Помню, — говорит Максим, — наше прощанье. Встретимся, говорит, на этапе, на баррикадах. А вместо того..

— А что, не нравится встреча?

— Нравится, — говорит Максим душевно. — Знаешь, я года три назад был в Питере, день пробыл, тебя, между прочим, искал.

— А я в это время в Москве была.

— Я и в Москве был.

— Что ж не зашел? Я не далеко от центра жила — в Бутырках.

— Этой бродячей жизни конец! — решительно говорит Максим. — Пошли!

— Куда пошли?

— Ко мне.

— А разве у тебя есть комната?

— Сейчас найдем, — уверенно говорит Максим. — Неужели в этом огромном каменном лесу мы не отыщем себе пещеры?

— В этом районе нас не пустят.

— Как не пустят? У меня деньги, — он вынимает из кармана тощий кошелек. — Мы живем в эпоху финансового капитала. Идет дождь. В такую эпоху, в такую погоду ни один хозяин не выгонит на улицу собаку, если она заплатит вперед.

И вот они стоят перед парадным входом и читают записку, наклеенную на дверях:

Сдается комната

Добродушная старушка показывает комнату:

— Солнечная, сухая, теплая! По утрам я вам молочка буду давать, будете жить у меня, деточки, как у Христа за пазухой.

— Мне здесь нравится, — блаженно говорит Максим, — а тебе?

— Хорошо.

— Ладно, мамаша, мы здесь останемся.

— И оставайтесь, деточки! Лучше нигде не найдете. Позвольте паспорта для прописки!

— Вот! — говорит Максим, протягивая документы.

Старушка, тепло улыбаясь, заглядывает в паспорта.

— А что это у вас, деточки, фамилии будто разные? В какой церкви венчались? Где мои очки?

— А мы, мамаша, — говорит Максим, похлопывая старушку по плечу, — в гражданском браке.

— Сейчас же уезжайте! — испуганно говорит старушка, суя назад паспорта. — Как же это так, боже ты мой! Нет, нет, нет, мы невенчанным не сдаем. У меня дочь, молодая девушка...

Максим пытается протестовать.

— Позвольте, мамаша!

Старушка внезапно завизжала и затопала ногами:

— У меня не притон разврата!

Максим и Наташа читают объявление на стене большого дома:

*Сдается прекрасная комната
с видом на сад*

Немолодая грязная женщина в золотом пенсне на крупном носу вводит Наташу и Максима в маленькую отвратительную каморку.

— Настоящее гнездышко! — говорит женщина басом.

Максим уныло оглядывает комнату:

— И сколько же вы просите за эту пещеру?

— Мосье! — всплескивает руками женщина. — Какая же это пещера? Это комната с видом на сад.

— А где же вид на сад? — перебивает Максим.

Женщина распахивает оконце.

С высоты седьмого этажа можно различить несколько тощих деревьев.

— Вот! — говорит женщина театральным жестом. — Он полон роз.

— Это они и пахнут? — спрашивает Максим, с отвращением нюхая воздух.

Женщина захлопывает дверь в коридор.

— Конечно, — говорит она оскорбленно, — это не Зимний дворец. Но и вы как будто не из царствующей фамилии?

— Нет, — говорит Максим.

— В общем, комната нам подходит, — деловито говорит Наташа. — Но мы вас должны предупредить: мы состоим в гражданском браке...

— За кого вы меня принимаете? — обижается женщина. — Я не ханжа. Я очень левых убеждений. У меня самой два любовника, и вам советую.

— Ну, вот и превосходно! — перебивает Максим. — Значит, мы остаемся. Вот паспорт, вот задаток.

— Мерси, мерси, — говорит хозяйка. — Исчезаю.

Хозяйка удаляется.

— Ну, вот и устроились! — говорит радостно Максим.

Стук в дверь.

Появляется хозяйка.

— Пардон, пардон! Ваши вещи внизу? Прикажете принести?

— Вещи? Все наши вещи здесь.

Жест в сторону стола. Там кепка Максима и носовой платок Наташи.

— Простите, я только-что вспомнила, — всплеснула руками женщина, — комната уже сдана. Одному профессору. Вот ваши паспорта, вот ваш задаток. Всего хорошего!

— Позвольте...

Женщина, вскипая:

— Если вы голодранцы, так идите в ночлежку, а не в порядочный дом!

Корректный господин, с мягкими манерами, при воротничке и галстуке, но в домашних туфлях, демонстрирует комнату Максиму и Наташе.

— Значит, подходит? — говорит он, мягко улыбаясь.

Наташа, переглянувшись с Максимом:

— Я хотела вас предупредить, наши вещи еще не были.

— Ну, какое это имеет значение? Главное — люди, а не вещи.

Наташа, осмелев:

— Я хотела еще вас предупредить: мы, знаете, состоим в гражданском браке.

— Помилуйте, это меня не касается! Живите себе, пожалуйста, как хотите! Вы оба такие славные. Простите, а чем вы занимаетесь?

— Я, например, — говорит Наташа, — работаю в газете.

— Журналистка? Превосходно. Простите, случайно не в «Биржевых ведомостях»?

— Нет.

— Простите, а где?

— В «Правде».

— Где?

— В «Правде».

— Простите, в таком случае я не могу сдать вам ком-

нату. Нет! Нет! Все, что угодно, только не неприятности с полицией. Достаточно я натерпелся от нее. Я ведь был в свое время революционером. Отдал дань. А теперь я хочу покоя. Очень жаль, очень жаль, вы оба такие славные! — выпроваживает он их. — Да, в ужасное время мы живем, в ужасное... Марфуша, как там с ужином?

Ночь. Дождь прошел. В пустынных аллеях сада — только огромные лужи, в которых мерцает лунный свет. По саду уныло бредут Максим и Наташа. Добрели до какой-то скамейки, садятся, вздыхают.

— Вот тебе и эпоха, вот тебе и погода! — горько и отчасти лукаво говорит Наташа. — Выходит, мы хуже собак.

— А мне здесь нравится! — бодро заявляет Максим. — Воздуху много, стены не давят, соседи не раздражают. А то пойдем — и за Нарвской заставой и на Выборгской найдем, где переночевать!

— Нет, останемся! — говорит Наташа. — Булку хочешь? У меня с собой.

Она ломает булку на две неравных части, дает большую Максиму. Он протестует.

— Ешь, — сурово говорит Наташа, — ты мужчина, тебе больше надо, чем слабой, незаметной женщине.

Жуют. Наташа прислонилась головой к плечу Максима.

— Правильно, — задумчиво произносит Максим. — Незаметная ты у меня женщина, Елена! И я у тебя такой же, как ты, незаметный мужчина. Нам и по чину, милая, полагается незаметно гулять по этому свету, без имени, без фамилии, без лица, без прописки. Я даже в толк не возьму, заметила ли ты, что я пять лет люблю тебя?

— Заметила, — отвечает Наташа.

Крепко целуются.

— Эх, конспиратор, — с досадой говорит Максим, — не мог скрыть...

— Для своих мы заметные... — говорит Наташа.

Тишина. Легкий ветер зашелестел в деревьях. Где-то вдали медленно цокают копыта лошади, проезжает ночной извозчик.

Гудят вдалеке заводы. Пустынные улицы в утренней мгле... Идет весело и бодро Максим. Вдруг остановился, огляделся. Глухая стена с огромной рекламой: «Пилюли Ара — лучшие в мире!» Рядом старый, погнувшийся фонарь. Максим с волнением глядит на фонарь.

Утренняя мгла еще не рассеялась. По тротуару шагает, насвистывая свою любимую песню, Максим. Улица перерезана глухими переулками. Издали видно, как из переулка вышли навстречу Максиму два человека. Он, не обращая внимания, продолжает свой путь. Свист обрывается. На Максима накинут мешок. Железная палка блеснула в утренней мгле. Максим падает.

Гудят чуть слышно заводы. Расходится мгла. Два человека — фигура одного из них напоминает конторщика Платона Васильевича — шмыгнули в переулок и исчезли.

Тишина.

На земле лежит Максим.

— «Правда!» Рабочая газета «Правда»!

По пустынным улицам столицы идет Фомка. Он звонко, почти нараспев, кричит:

— «Трудовая правда»!

Идет Фомка по улице, пересеченной глухими переулками. На разные лады выкрикивает название газеты и вдруг останавливается, наклоняется. Закричал испуганно:

— Ой!

Лежит неподвижный, с лицом, залитым кровью, Максим. Гудит поблизости завод.

По улице степенно идет Ерофеев. Остановился, увидев необычайное зрелище. Подбежал.

Отстранив Фомку, склонился над Максимом и вдруг с болью воскликнул:

— Ученичок! Убили!

Гудок замирает. Ворота Северного завода. К ним подбегает Фомка.

Рослый ингуш-охранник преграждает ему путь.

— Куда? — грозно вопрошает он.

Фомка моргает глазами, но тотчас, спохватившись, говорит:

— Газеты, дяденька, продавать!

— Вот я тебя!

У Фомки слезы отчаяния и злобы на глазах. Вмешивается проходящий господин в инженерской фуражке.

— Какие газеты?

Слезы мигом высохли на глазах у Фомки. Стиснув зубы, он бойко докладывает:

— «Двуглавый орел», господин. «Земщина». Вот, взгляните!

— Пропустить его! — говорит инженер.

Фомка готов бежать, но сдерживается и вкрадчиво предлагает:

— Возьмите газеточку, барин?

— Стану я всякую дрянь читать! — говорит, удалясь, инженер.

Проходят к двери цеха рабочие. Фомка пробрался вперед, напряженно оглядывается. Быстрыми шагами идет к цеху Павел. Фомка светлеет, бросается вперед, вцепился ему в рукав:

— Дяденька! Убили!

Павел останавливается, озадаченно всматривается, потом спрашивает:

— Кого убили?

Фомка быстро, захлебываясь, шепчет:

— Того, кто мне газеты с тобой давал...

Павел схватил мальчишку за плечо:

— Федор?

Фомка, едва не плача:

— Убили! Мертвый лежит, там, в переулке...

Павел ошалело глядит на него. Фомка вдруг заревел во весь голос. Павел хочет бежать на улицу, но передумал и бросился в цех. Фомка ревет, держась за дверь.

Громкий крик в цеху:

— Кончай работу!

Фомка поднял мокрое от слез лицо. Остановились идущие рабочие, затем бросились в цех. Оттуда громовой голос:

— Останавливай машины! Кончай работу!

Идущие по двору в другие цехи рабочие останавливаются, потом бегут к инструментальному цеху. Оттуда с криками, в смятении выходят рабочие.

— Наверное, не до смерти! — бормочет кто-то сбоку.

— Кто говорит, не до смерти? — вынырнул откуда-то Ерофеев.

— Может, по пьяному делу, — пробует заикнуться кто-то.

— По пьяному? — вне себя закричал Ерофеев и вскочил на бочку. — По пьяному?

Волосы его развеваются по ветру.

— Врешь! — говорит он с яростным пафосом, — врешь, нечистая сила! Покойный, — я его с детства знал, — в рот росинки не брал. Моей, токаря Ерофеева, школы... Что ж это выходит, братцы?

Кругом уже толпа. Люди прибывают. Павел напряженно следит за Ерофеевым. Тот вне себя, все его поговорки звучат сейчас трагически-серьезно, он говорит, словно трибун:

— Хозяева нам от бастующих невцев заказ спихнули, клейма стерли, ночью везли... Обмануть думали! Да разве найдется такой человек, чтоб Ерофеева обманул?! Не обманешь нас, товарищи! Тогда они головы нашим ломать? Вот им моя голова, бей в нее. Двадцать шесть лет этой вот головою о нашей рабочей жизни думаю, этими вот глазами все хозяйские пакости вижу, этими руками сам головы, кому следует, сокрушу! Что ж, измываться над нами? Невцы уволены? Уволены!

— Расценки снижены! — подсказывает Павел.

— Расценки снижены! — кричит немедленно Ерофеев.
У Нобеля рупь пятьдесят копеек в день, а у нас за рупь двадцать работай.

— А десять часов обязаны мы работать?! — под общий гул кричит, потрясая кулаками, Ерофеев.

— Правильно, Ерофеев!

Взрыв восклицаний. Ерофеев рукой останавливает рабочих. Он величественен.

— Так вот, первое предлагаю я, — с силой провозглашает он, — шапки снять за убитого товарища Федора. Ни фамилии, ни отчества не знаю...

Шапки слетают со всех голов.

— А второе предлагаю: пока требований наших не выполнены, — бастовать, день, год, двадцать шесть лет бастовать.

Шумят типографские машины. В наборной стоит оглушительный хохот. Наборщики окружили метранпажа, читающего идущую в номере басню. В дверях наборной появляется Наташа.

— Ментор! — кричит она. — Статья насчет войны набрана?

— Кончаем! — кричит кто-то.

— Поторапливайтесь! — говорит Наташа и хочет уйти, но задерживается, слушая басню, улыбается и потом уходит.

Идет коридором, общим для всех газет. Из дверей с вывеской «Ежедневная рабочая газета «Луч» выходит человек в студенческой форме, с бумагами в руках. Увидев Наташу, он не без язвительности улыбается:

— А, товарищ Елена! Готовит ваш орган очередную порцию брани по нашему адресу?

— Попадет, — уклончиво говорит Наташа.

— Ничего, не боимся! Я вам тоже сюрприз готовлю. Статью о пресловутом подполье. Эх, не ваш бы ленинский фанатизм, вы бы поняли...

— Постараюсь, — говорит Наташа.

В редакционной комнатке «Правды» обычный шум и говор. В стороне у стола — мрачный Павел.

— А, здравствуй! — приветствует его Наташа. — Стихи опять принес?

— Стихи, — глухо говорит Павел.

— Хорошие?

— Не знаю. На смерть товарища.

— Какого товарища? — с сочувствием спрашивает Наташа.

— Послушай, милая! — грозно восклицает подошедший к ним рослый рабочий. — Обещала вчера вечером к нам в клуб притти и не пришла.

— Ой, забыла! — с раскаянием шепчет Наташа.

— Эх, не доведут тебя молодые люди до добра! Сегодня придешь?

— Приду, — обещает Наташа и вновь повернулась к Павлу. — Так умер товарищ? Жалко! Ну, читай!

Павел читает. Наташа слушает.

— Хорошо! — шепчет Наташа. — Должно быть, хороший человек был покойник.

Павел обрывает чтение и, нахмурясь, глядит на Наташу.

— А разве не знаешь?

— Не знаю, — удивленно глядя на него, отвечает Наташа. — Кто такой?

— Сегодня утром, — говорит Павел, — на наш завод шел, его по дороге и прикончили...

Наташа бледнеет.

— Утром? — переспрашивает она.

— На заре. И трупа мы не нашли. Должно быть, дворники в приемный покой утащили. Теперь завод бастует... Любили твоего Федора...

— А я тебе, — говорит пожилая работница, подходя к Наташе, — пришла передать от наших торнтоновских благодарность за газету. И еще поручили мне передать работницы, если что надо — зубами пойдем защищать газету. Если денег надо, опять соберем...

— Спасибо, — говорит Наташа, — передай им наше горячее спасибо!

— Ну, прощай! Пошли тебе судьба счастья! — говорит работница.

— Прощай! — говорит Наташа и повернулась к Павлу. Хотела об одном спросить, спросила о другом: — Так забастовка началась?

— Началась.

— Невский поддерживаете?

— Да.

— Пиши заметку!

— Есть заметка.

Передает клочок бумаги.

Наташа глядит на бумагу.

— Хорошо, — говорит она.

Направляется в наборную. У двери повернулась, тихо переспросила:

— Наверное убит?

Павел безмолвно машет рукой.

Наташа идет по коридору. Навстречу ей возвращающийся в «Луч» студент-меньшевик.

— Ну что, договоримся? — весело спрашивает он.

Наташа останавливается, с неприязнью глядит на него.

— Слушайте, Елена Андреевна, — ласково хлопает ее по руке собеседник. — Дивлюсь я вам. Как же вы не понимаете?

Вот-вот Наташа сорвется, обрушится.

— Вы... — сказала она громким голосом, потом усилием воли сдержалась и сухо говорит: — Не понимаю.

Уходит. Студент-меньшевик смотрит ей вслед, пожимая плечами.

Наборная.

— Метранпаж! — зовет Наташа.

Заранее готовый к сопротивлению подходит старик метранпаж.

— Надо срочно набрать заметку!

Метранпаж поднимает кулаки.

— Не могу! — кричит он. — Нельзя так работать.

— Можно, — говорит спокойно Наташа. — Так и работаем. И будем работать. Пока не умрем.

— Смерть нам не страшна, — говорит свирепо метранпаж... — Места в газете нет, вот что страшно. Давай твою заметку! Эй, налетай, набирай!

Газетчик орет на углу:

— Убийство австрийского эрцгерцога Франц-Фердинанда!

Взвыли баяны десятком различных мелодий. Раскрытые граммофонные зевы извергают песни Плевницкой и вальсы

Чернецкого. Оглушительные крики людей.

Толкучка на питерском рынке.

— А вот кому брюки, новые брюки!

— Посмертное сочинение графа Толстого!

В толпе стоит Ерофеев. Он в котелке и мятой рубашке, пиджак держит в руках. Сумрачно смотрит на проходящих, кричит:

— А вот пиджак! Кому пиджак?

— Ерофееву наш привет!

Перед стариком вырастают двое рабочих. Он мгновенно прячет пиджак.

— Продаешь чего? — осведомляется один из рабочих.

— Прогуляться.

— А мы продавать! Держаться-то надо. Дети ведь... Тебе, правда, что! Ты, должно быть, денег накопил?

— Врешь! — говорит Ерофеев свирепо. — У меня что, детишек нет? Вот пиджак продаю.

— До точки, значит, тоже дошел, — с сочувствием замечает другой, — коли пиджак продаешь. Ну, прощай!

На всех пластинках один и тот же бравурный марш. Баяны играют одну и ту же мелодию. Подняв пиджак, кричит Ерофеев:

— А вот пиджак...

Рабочая окраина. На фоне далеких могучих кранов, фабричных труб — корявые домишки, заборы и плетни, гнилые деревянные тротуары. Оборванные дети копаются в грязи, тощие собаки озлобленно лают. На углу — унылая чайная, в стороне — зацветшее болото. Дерево, растущее у тротуара, уродливо покривилось.

По тротуару бочком идет Ерофеев. Навстречу ему пожилая женщина. Она останавливается, кланяется.

— Что ж ты без пиджака, Василий Кузьмич? — спрашивает женщина. — Продал?

Ерофеев возмущенно отмахивается и объясняет:

— Тепло.

— А мы так все продали, — вздыхает женщина. — И Нюшка моя больна. Иду постирушки искать.

Ерофеев сопит, потом вынимает бумажки из кармана и протягивает одну женщине.

— Ой, — говорит она, — за что?

— Я твоему Никодиму должен, — отрывисто отвечает Ерофеев, — за бильярд.

Женщина недоверчиво спрашивает:
— Проиграл ему?
— Дура! Двадцать шесть лет не проигрываю. Выиграл.
Такая у нас игра была: кто выиграет, тот платит.
— А-а! — сомневается женщина, но берет рубль.
— Ну, прощай! — говорит Ерофеев и уходит.
Женщина с благодарностью глядит ему вслед.

Ерофеев подходит к своему дому. Громко залаял пес. На ступеньках лестницы сидят трое детей и тоненькими головами поют:

Где эта улица, где этот дом?
Где эта барышня, что я влюблен?

— Цыц! — накидывается на них отец. — Не нашли другого места галдеть!

— Поесть что-нибудь принес? — строгим шепотом спрашивает девочка.

— Принес. Чайной колбасы принес. Высший сорт, третий!

— Ой, тятка чего-то продал! — вскрикивает другая девочка.

— Ты пиджак зачем продал? — деловито укоряет мальчишка.

— Ври больше! — огрызается Ерофеев, потом машет рукой и говорит нравоучительно: — Ну, продал! Теперь пиджаков не носят. Вышли из моды.

— Тятка у нас самый важный, — гордо объясняет мальчишка сестрам, — к тятке с завода большое письмо пришло.

— Врешь, Севка! — воззрился на него отец.

— Я двадцать шесть лет не врал! — гордо говорит мальчишка, протягивая конверт.

— Гм! — говорит Ерофеев, вертя в руках письмо. — Что б это могло быть?

Он идет в дом. Проходит крохотную прихожую и входит в свою комнату. Занавеска делит ее на две половины. В первой степенно сидят несколько пожилых и старых рабочих, встречающих Ерофеева хором приветствий:

— А, нечистая сила!

— Смотрите! Ерофеич-то без пиджака!

— Где пиджак, старый черт?

— Сдался всем пиджак мой! — злится Ерофеев. — Не вечное же мне в нем ходить? Проветривается. А что это вас нечистая сила ко мне занесла?

— К кому же итти, если не к тебе? У нас дело...

— Ты постой, — прерывает Ерофеев, садясь, — тут, значит, дирекция меня из всех рабочих выбрала и мне одному из всех письмо написала. Вы погодите, я прочту!

Вооружившись для пушей важности очками, он поднимает белый конверт. Сейчас же все сидящие поднимают такие же белые конверты. Ерофеев глянул вправо, глянул влево и обмер. Закашлявшись, он достает из конверта письмо и шепотом читает:

— «Администрация обращается к вам, как к квалифицированному...»

Все потихоньку повторяют текст.

— «...старому рабочему со стажем...»

— Верно! — умиленно шепчет один из стариков. — Со стажем!

— «...исключительно из внимания к случайно втянутым в стачку квалифицированным рабочим...»

— «...администрация до сего времени не принимает законных мер...».

— Врут, сволочи! — не выдержал кто-то. — Не принимают! Вчера двадцать штрейкбрехеров принять хотели, да мы их...

— А в лавках кредит закрыли...

— Тс-с! — зашикали со всех сторон.

Ерофеев, грозно на них поглядев, читает дальше:

— «...Разве вам, старому рабочему, желательно лишиться пенсии, оказаться в положении неприемлемой для предприятий столицы наемной силы, подвергнуться неизбежному локауту? Администрация не желает репрессий и исключительно из дружественных отношений к своему персоналу согласна отказать от вызвавшего стачку заказа морского ведомства немедленно после того, как основные кадры рабочих возвратятся к станкам. Директор завода Клюге фон Клюгенау».

Ерофеев, потрясенный, сидит молча, потом складывает письмо и цедит:

— Вот! Сдаются. Ерофеева испугались!

— Думаешь, тебя? — говорит кто-то недоверчиво.

— А кого же? Твоей тетки?

— Думаю, всех.

— Я и говорю, всех. За мной все и есть.

— Значит, забастовке конец?

— Хорошо бы! Не привык я без дела сидеть!

— И баба довольна будет. Два ее платья проели.

— Невтерпеж.

— Ну, а как же насчет расценок? — заикнулся кто-то.

Пауза. Все переглянулись. За занавеской — тихий кашель. Ерофеев поглядел на могучий свой торс без пиджака, вздохнул и шепчет:

— Что же, не в один день Москва строилась!

— А если попросить... — вмешивается кто-то.

— Нечего, нечего просить! — отмахивается Ерофеев.

— Они нам письмо, а мы им в ответ письмо...

— Очень надо! — прерывает Ерофеев.

— А в письме вежливо так и ласково поблагодарим и попросим, нельзя ли, мол, и расценки, — не слушая, заканчивает предлагающий.

— Правильно! — загудели голоса.

— Чего орете? — негодует Ерофеев. — Не понимают, что человек дело говорит, и орут. Спасибо, Михеич, что поддержал меня. Обязательно письмо! Именно вежливо. С теплотой.

— С уважением!..

— И где это я карандаш оставил? — суетится Ерофеев, и вдруг огорченно: — В пиджаке оставил.

— Так вынь!

Ерофеев мрачно смотрит на говорящего:

— Откуда?

— Да из пиджака! Где это он у тебя!

В дверь заглядывает мальчишка:

— Тятка! К тебе дяденька. Твой пиджак принес.

Ерофеев замер. Проглотил слюну. Торопливо объясняет всем:

— Портной. Пуговицы пришивал.

И стремительно идет в прихожую.

Там стоит у двери высокий рабочий. Ерофеев плотно прикрывает дверь и недоуменно смотрит на гостя, потом перевел взгляд и вздрогнул — в руке у рабочего ерофеевский пиджак.

— Я у тебя пиджак покупал? — спрашивает рабочий.

— У меня, — со вздохом говорит Ерофеев. — Тут еще мой карандашик лежит, позволь вынуть!

— Ты постой! — грубо обрывает гость. — Ты кого же это обманывать вздумал? Самого что ни есть мирового литейщика Алексея Мищенко обманывать? Да я обман пуще смерти ненавижу!

— Кто тебя обманывал? — вскипел Ерофеев. — Купил пиджак и иди себе, или, может, суконце тебе не нравится? Двадцать шесть лет ношу, а тебе в первый же день плох?

— Чихал я на твое сукно! — говорит литейщик. — Ты ж с Северного?

— Ну, с Северного.

— Ты ж бастуешь?

— Ну, хоть бы и бастую, тебе что за дело?

— Как, что за дело? Мне до всего дело. Ко мне сам директор за советами ходит. Министр императорского двора барон Фредерикс помощи в разных делах просит. А тут, здрасте, до токаря дела нет!

Ерофеев стоит совершенно ошарашенный и не сводит глаз с забывшего его словами гостя.

— Бери свой мундир! — отрывисто говорит литейщик. — Нужен мне он! У меня дома два фрака висят. Я из твоего тряпья кошке подстилку сделать хотел, ну да ладно — пусть в корзине дрыхнет!

— Как же это так? — упавшим голосом говорит Ерофеев. — У меня уж и денег всех нет. Жена ушла.

— Ты кому это деньги отдавать? — перебивает литейщик. — Умру без твоих грошей? Мне хоть завтра из банка пять тысяч выдают. Я в лотерее-алсгри сто тысяч рублей и двуспальную кровать выиграл 15 марта в текущем году, а ты, остопоп, мне чего суешь?

— Боже ж мой, боже ж мой! — подавленно шепчет Ерофеев. — Как же можно одному человеку столько врать? Не по нраву пиджак — отдавай, на тебе деньги, сейчас соберу остальные.

— Ты с кем это споришь? — сощутив глаза, закричал гость. — Ты с грозою литейного цеха споришь? Я Ивана Поддубного...

— Стой! — в отчаянии говорит Ерофеев. — Бери деньги! Бери!

— Не возьму, — говорит литейщик. — Тебе нужней. Держи деньги, говорят тебе! Не бывать этому, чтобы литейщик Мищенко у бастующего рабочего, у товарища пиджак отнимал! И денег назад не надо. Я для того, по секрету сказать, и копил — знал, пригодятся. Ну, жемке, детишкам привет! Носы им утри! Давай лапу, прощевай!

Ерофеев протянул руку, сопит, трясет руку гостя и неожиданно говорит:

— Поцелуемся, что ли...

— Давай, — соглашается литейщик.

Целуются и потом откашливаются.

— Тьфу, табачищем пропах, нечистая сила! — ворчит Ерофеев.

— Ты гордись! — говорит литейщик. — Тебе все красотики теперь позавидуют. Меня, брат, государыня императрица

Александра Федоровна к себе заместо Гришки Распутина звала, да я отказался: тоща!

Молодецки крикнув, литейщик уходит. Ерофеев стоит с пиджаком в руке и растроганно глядит гостю вслед, потом говорит:

— Хороший человек! Только врет! Ну, я его отучу.

Надевает пиджак и, приосанившись, идет в комнату.

— Кто тут ехидничал про пиджак? — осведомился он. — Ну что пиджак, повисел, проветрился... и карандаш нашелся. Только, я думаю, лучше чернилами.

Идет к занавеске.

— Это правильно, что чернилами, — соглашается один из рабочих. — Уваженья будет больше. Как-никак, хозяева!

Ерофеев останавливается у занавески. Вдруг лицо его делается жестким, он цедит сквозь зубы:

— Конечно, уважить их надо. Только вот что я вам скажу: нет для меня достойней людей, кто от себя последнее для товарища отдает.

— И жизнь, — тихо сказал один из рабочих. — Вот как этот парень, которого из-за нас убили.

— Это ты о ком же? — помрачнел Ерофеев.

— А о том, о котором ты же сам речь держал. Скажешь, не было этого?

— Умер, умер! — торопливо говорит Ерофеев, опасливо глядя на занавеску, и на цыпочках идет туда.

Там полутьма. Ерофеев осторожно идет к комоду.

— Василий Кузьмич! — слышен слабый голос.

Ерофеев, как пойманный на месте преступления, поворачивается.

— Тс! — шепчет он. — Ты же мертвец!

На постели лежит перевязанный, исхудалый, обросший Максим.

— Хорошие сны мне снились, — говорит он едва слышно. — Будто победа.

— Врешь ты все! — недовольно шипит Ерофеев, подавая ему вино. — Ничего тебе не снилось, а просто подслушивал. Грех!

Максим выпил вино и говорит бодрее:

— Значит, сдаются?

— А тебе что?

— Заказ не берут?

— Не берут.

— Расценки повысят?

— Гм, повысят!

— И шестерых с Невского вернут?

Ерофеев хочет что-то сказать, потом яростно зашептал:

— И чего ты нервничаешь? Велено тебе — покой. Что ты в этих делах понимаешь? Только разозлил меня, а мне сейчас вежливое письмо писать.

— От меня сердечный привет, — говорит Максим.

Ерофеев хочет что-то сказать, потом сердито машет рукой и возвращается в комнату с чернилами и книгой в руках.

Ставит чернила на стол, а сам садится на стул у занавески и торжественно говорит:

— Вот, двадцать шесть лет у меня «настолярная книга молодых людей — письмовник для влюбленных». Сокровище!

— Что же это, мы хозяевам в любви объясняться будем?

— Здесь на всякий случай. Вот: «Душа души моей, бесценная Лиза! Злой божок купидон...» Не то! Где это тут деловые? Вот, вот: «Милостивые государи Бренс, Ленс и По, город Потсдам, Германия. Настоящим подтверждаем факт получения вашего письма за № 1492, из которого явствует, что заказ наш на рис, маис и пшеницу...»

— Постой! — прерывает кто-то, — причем тут рис, маис и пшеница?

— Ух, ты! — качает головой Ерофеев. — Это ведь модель! А мы вместо риса-маиса поставим забастовку... Пиши: «Милостивые государи...»

— ...Эксплуататоры, — тихо доносится до его уха из-за занавески.

— Экс-плу-а-та-торы, — шепотом повторяет Ерофеев. — Пиши, Фрол: «эксплуататоры». Вот!

Победоносно обводит потрясенных гостей взглядом.

— «...Милостивые государи эксплуататоры», — читает Фрол.

— И К°... — вставляет кто-то.

— А что это за К°? — любопытствует один из рабочих.

— Стыдно не знать! — строго говорит Ерофеев.

— А ты знаешь?

— Я-то? — обижается Ерофеев. — Я двадцать шесть лет...

— Да ты скажи!

Шепот из-за занавески:

— И компания...

— И скажу, — режет Ерофеев, придвигаясь к занавеске, — и компания. Вот что значит!

— Какая такая компания?

— Уж известно какая! Теплая компания, черт их дер!

— Ума палата!

— Пошли дальше: «Настоящим подтверждаем факт получения вашего письма...» Видали, как запущено! Факт получения письма.

— Министр! — восхищаются старики.

— Пиши дальше! — диктует польщенный Ерофеев: «...из которого явствует...» Что же это, черт побери, явствует?

Максим рассеянно шепчет, словно не для Ерофеева:

— Туго им, видно, пришлось...

— Как? — вскрикивает Ерофеев.

— Что как? — поражаются все.

— Туго им, видно, пришлось, — доносится до Ерофеева шепот.

— Шумите! — с горьким упреком говорит Ерофеев. — Не даете человеку сказать! А ведь у меня все тут...

— Да ты говори, что явствует?

— Явствует, что туго приходится им, господам хорошим. Вот что явствует...

— Ох, голова! А ведь и вправду, с хорошей жизни они бы не писали!

— Уж этот Кузьмич!

— Так и пиши: «Туго приходится вам, господа хорошие, и не зря на попятный идете...»

— Ох, идут ли? Я их преподлую натуру знаю.

— Правильно! — восторженно диктует еще кто-то. — «Только мы вашу подлую натуру знаем...»

— Разрешите мне! — кричит Михенч.

— Куда лезешь, молчи!

— У меня мнение. Разрешите насчет номера!

— При чем же тут номер?

— Разрешите! — волнуется Михеич. — Пиши, Фрол: «И номер ваш не вышел».

Взрыв хохота.

— Здорово! — в восторге кричит кто-то. — Ай да Михеич!

— Что Михеич! — обиженно вмешивается Ерофеев.

— Я еще не так скажу. Пиши: «...а внимание ваше к нам очень нам лестно...»

— Вот это вежливо! — обрадовался поклонник хорошего тона.

— Только оно ни к чему, — грозно говорит Ерофеев. Встал, застегнул пиджак. — Ни к чему, — повторяет он, и голос его дрожит. — Потому живы мы вниманием наших людей, рабочего люда! Он — за нас, мы — за него.

— Правильно! — растроганно подтверждает рабочий.

— Их интерес нам и дорог...

— А ваш интерес, — говорит кто-то яростно, — рабочих за глотку душить, прибыль копить, в тюрьмы лучших людей сажать!..

— Братцы! Да где же такое в письмовнике?

— А ну его, письмовник! — свирепо отмахивается Ерофеев. — Его кто составлял? Буржуазия... А мы по-своему, по-пролетарскому...

— Об угрозах вспомни, — шепчет Максим из-за занавески.

— Правильно! — радостно восклицает Ерофеев. — Пиши: «...А что пенсии мы лишимся, так на пенсию вашу и подштанников себе не сшить...»

— «...А что в черные списки вы нас внесете, другого от вас, паразитов, не ждем...»

— «...И к локаутам вашим привыкли. Время придет, ответим вам всем таким локаутом, что придется вам ехать...»

— «...в Потсдам...» — заканчивает Ерофеев.

Хохот.

— Теперь бы им требования! — шепчет едва удерживающийся от смеха Максим.

— Молчи! — шипит Ерофеев. — Чего ты в политике смыслишь? Учить меня нынче все вздумали. Пиши, Фрол: «...Насчет же заказа премного благодарим... И только покорнейше напоминаем о расценках, а также о сокращении дня...»

— Вот это ласково!

— И о невцах... — слышится голос Максима.

— «...И эксплуататорам с Невского передайте, чтоб они с вас брали хороший пример...»

— И прибавь... — говорит какой-то рабочий на ухо Фролу. Тот отмахивается.

— Ты это брось! — сдвигает брови Ерофеев. — Матерщины ни-ни! Теперь нужен конец подстать письму. — Ищет в письмовнике. — Вот! Пиши, Фрол: «С совершенным почтением и горячею преданностью».

Общий восторг.

Старики хохочут, подталкивают друг друга. Кто-то пошел в присядку, за ним другой, третий запел:

По России слух прошел,
Николай с ума сошел.
Что я вижу, что я слышу,
Николай полез на крышу.

Гремит хор, старики пляшут, Ерофеев откалывает коленца, все весело смеются. Морщась от боли, смеется за занавеской Максим.

И вдруг с размаху открывается дверь, на пороге — взволнованные Павел, Наташа и еще несколько рабочих.

— Это что такое?! — восклицает вне себя Павел, и все остановились. — Пляшите, поете, а хозяева нас обкрутили!

— Как обкрутили?

— Локаут...

Молчание.

Все замерли.

— Локаут? — шепчет кто-то. — Да это хуже смерти!

— С квартир — вон!

— Податься некуда!

— С рабочей поддержкой кончено... Каждый завод о себе думать должен.

— Хуже нет, чем локаут, — говорит Ерофеев. — Двадцать шесть лет... видел их...

— И вынес? — раздается женский голос.

Все повернулись к Наташе.

Она выступила вперед.

— Я из «Правды», товарищи! — говорит она. — Принесла полученные для вас деньги... Двести двенадцать рублей пятнадцать копеек... Из Киева, из Одессы, из Сормова, из Иваново-Вознесенска... Верно, локаут! Поголодает Питер... а вся Россия на что?

Ерофеев стукнул кулаком по столу:

— Золотые слова, товарищ! Не даст Россия Ерофееву помереть.

— Мы ж на бакинцев отчисляли, — поддержал Павел.

— Теперь они нам должны.

— Много городов в России!

— Да как они узнают?

— Узнают, — говорит, повысив голос, Наташа. — Для этого и выбрали мы депутата в Думу... Завтра ему речь говорить, его вся Россия услышит... Я и вам два билета на хоры принесла, еле достала...

— Уж он им ответит!

— Я так думаю, — озабоченно говорит Фрол, — что наше письмо теперь ни к чему...

— Врешь! — вскричал Ерофеев. — Теперь-то мы его и пошлем. Ах, нечистая сила! Думаете, рабочий класс ваших локаутов испугался? Так нет! Пошли, сынки, по квартирам! Двадцать шесть тысяч подписей наберем, ткнем в нос буржуям наш рабочий ответ.

— Верно. Пошли!

— Держитесь, милостивые государи-эксплуататоры!

И Фрол, взмахнув рукой, затащил боевую песню, старики подхватили и направились к выходу.

Песня гремит за окном.

Наташа с улыбкой глядит вслед старикам, повернулась к Павлу:

— А мы — в Сампсониевское общество! Сегодня там собрание... Уж сегодня там все будут!!

— Все! — раздался голос Максима, и занавеска падает.

Наташа и Павел замерли на месте. Максим радостно улыбается им. А за окном, затихая, звучит песня.

Зал Государственной думы полон. Энергично звонит председатель. На трибуне огромный, слоноподобный депутат. Он говорит с большим темпераментом:

— ...Количество забастовок подозрительно растет. Между тем, с чего бы рабочему классу бастовать? Он сыт, обут, одет. Хозяин несет о нем полное попечение. Он живет счастливей нас с вами, господа! Без обиняков скажу: я хотел бы быть рабочим!..

Панорамой мы видим зал, депутатов на своих местах, министров в их ложах, публику на хорах. Озираясь на восседающих здесь барынь, проходит на хоры кучка рабочих, среди них Павел и Ерофеев. Пристав с пренебрежением указывает им места.

— ...Истинная причина забастовок в том, что революционные воротилы, студентишки, жида да армяшки подстрекают доверчивого русского мастерового...

— Что это он говорит? — сразу заволновался Ерофеев.

— Молчи! — шепчет Павел. — Смотри лучше на депутатов. Вон справа Пуришкевич, вон Шульгин — монархист, вон Милюков — кадетский вождь!

Ерофеев огрызается:

— Что ж на затылки смотреть!

— Может, когда и в лицо их увидишь!

— Тс-с! — шипят на рабочих барыньки.

— ...И некоторые из этих подстрекателей сидят среди нас, господа члены Государственной думы, — кричит оратор.

Голос из зала:

— Почему берете с головы?

Председатель энергично звонит.

— ...Я назову их. Это так называемые рабочие депутаты, — восклицает оратор.

Взгляды обращаются на крайние левые скамьи Думы. Там — рабочие депутаты. На них обращены лорнеты дам.

Тураев поднимает голову и встречается взглядом с рабочими на хорах.

— Наши! — чуть не плачет Ерофеев. — Родные!

— ...Их выбрали заседать. Обманутые избиратели — глупое рабочее стадо — почтили их доверием.

Возмущенные крики слева:

— Долой! Исключить!

Справа:

— Тебе не нравится?

Слева:

— Успокойте жандарма!

— Дайте ему холодной воды!

Председатель звонит. Оратор, не смущаясь, кричит:

— ...А они вместо этого шляются по заводам, разводят смуту, выпускают прокламации, издают газету, которая с раннего утра занимается подстрекательством, — он потрясает «Правдой».

— Да как он смеет! — кипит Ерофеев, но Павел одергивает его.

В зале волнение, громкие выкрики и справа и слева. Председатель лениво позвякивает в колокольчик.

Оратор словно упивается атмосферой скандала. Он орет все визгливее:

— ...Простодушные рабочие потеряли голову, послушались голоса изменников царю и отечеству, пошли по пути виселиц. Зараза забастовок распространяется...

Ерофеев дрожит от негодования.

— ...Лучшее средство против забастовок, господа, — это уменьшить заработную плату. С голоду не забастуешь, мятежами заниматься впору лишь сытым.

Ерофеев что-то кричит, но Павел во-время закрыл ему рот. Глаза Ерофеева горят неукротимой яростью. Оратор между тем заканчивает:

— ...Так как это преступление колеблет основы государственного порядка, то этих господ надо судить как государственных преступников и повесить. Мы обязаны сказать правительству: мало, дуи больше!

Гром аплодисментов. Оратор косится в сторону министерской ложи, замечает одобрение и, отирая платком лоб, сходит.

Председатель зычно объявляет:

— Слово предоставляется депутату Тураеву!

Новая волна возбуждения в зале.

Тураев идет на трибуну. Оглянулся. Тягостное молчание. Свет многочисленных люстр. Зал полон врагами. Сидят

махровые черносотенцы, тупые попы, застыли безличные ряды центра, перебирают бумаги кадетские адвокаты.

Тураев поднял глаза на хоры. Барыньки лорнируют его.

— Он, кажется, слесарь, — шепчут они.

А слева от них сидят свои, рабочие.

Взглянув на них, вдохнув глубоко воздух, облокотившись о кафедру, Тураев звучно и сильно говорит:

— ...Господа члены Государственной думы! Вы слышали здесь утверждение депутата правых о том, что рабочий живет сытно и беззаботно. Бия себя холеной рукой в манишку, этот господин выразил желание стать рабочим. Сомневаюсь, чтобы рабочие приняли его в свою среду...

Голос справа:

— Тебя не спросят!

— ... Рабочие прекрасно видят разницу между своими, рабочими депутатами, и вами. Вас здесь большинство, и вы идете с думской трибуны в министры. Нас здесь ничтожная кучка, и мы идем с думской трибуны на каторгу!..

Энергичный звонок председателя. Справа возгласы:

— Давно пора!

— ... Позвольте коротко обрисовать положение питерского рабочего. Двенадцатичасовой рабочий день. Штрафы на каждом шагу. За выход до свистка, за выход после свистка, за неотметки в контрольных часах, за несообщение нового адреса. Рабочие в таких каторжных условиях работать не могут.

Шум справа и крики:

— Пошел вон!

Председатель:

— Член Государственной думы Тураев, я призываю вас к порядку!

Ерофеев негодует:

— За что же это? За правду?

— ...Господа, известно, что бессмысленно прививать оспу телеграфному столбу. Не менее бессмысленно говорить о положении рабочих в этой черносотенной помещичьей думе...

Новая буря возмущения.

— Что за безобразие! — орут оскорбленные октябристы.

— Я сам рабочий, — взволнованно говорит Тураев под звонок председателя. — И если я говорю здесь о страданиях рабочих, то для того, чтобы показать всему пролетариату, всему народу эту систему эксплуатации, чтобы убить в сердцах наивных людей все надежды на примирение с правительством произвола и насилия...

— Член Государственной думы Тураев, будьте осторожны в выражениях! — грозно кричит председатель.

— И не к вашей милости взываю я, господа! Как два лагеря, друг против друга стоят, с одной стороны, объединенная буржуазия, а с другой — пролетариат. И я от его имени бросаю вызов правительству внесением нашего запроса о забастовках в Санкт-Петербурге. Не сомневаюсь, что вы провалите его, но этим вы лишний раз покажете народу, что большинство Думы, попавшее сюда благодаря безобразному избирательному закону...

Шум в зале.

Председатель выкрикивает:

— Если вы еще позволите себе подобные выражения, я вас лишу слова!

Шум усиливается. Тураеву с трудом удается говорить.

— ... В крике забастовавших рабочих слышится: «Долой всю систему крепостного права, долой это систематическое убийство и истощение рабочего! На насилие мы ответим насилием!»

— Член Государственной думы Тураев! — орет, звоня, председатель. — Я вас лишаю слова.

Справа — рукоплескания и голоса:

— Вон его, вон!

— ... Нам нечего ждать от вас. Рабочий класс может добиться улучшения своего положения только собственными руками...

— Вы лишены слова, член Государственной думы Тураев!

— Вы можете лишить меня слова, но ни у кого нет силы зажать рот рабочему классу.

Председатель отчаянно звонит. В зале крик и шум.

— Потрудитесь оставить кафедру! — кричит председатель. — Господин пристав!

Пристав подходит к Тураеву. В зал входит воинский отряд.

— ... Рабочий класс, пославший меня, услышит!

— Слышим! — не выдержав, кричит Ерофеев. — Слышим!

К нему бросаются служители.

Внизу два солдата, поднявшись на кафедру, сталкивают Тураева.

— За неслыханное нарушение думского устава, — стараясь перекричать шум, вопит председатель, — предлагаю исключить члена Государственной думы Тураева на пятнадцать заседаний.

Яростно кричит, рукоплещет, грохочет черносотенная Дума.

И вновь по темной утренней улице летит мальчишка, потрясая газетой, крича:

— «Правда», рабочая газета «Правда»!

Гудит издалека завод.

— Изгнание рабочего депутата из Думы!

— «Правда»! Газета «Правда»!

При свете печей в пекарне читают пекари.

— «... Сознательные рабочие очень хорошо знают и некоторые конкретные формы повышения, исторически неоднократно испытанные...»

— Понятно, — говорит один из пекарей.

На пороге пекарни, освещенная отблесками огня из печи, вырастает фигура хозяина. Всплеснув руками, он восклицает:

— Ироды! А месить кто будет?

— Сам меси! — кричит один из пекарей, сбрасывая передник и размахивая им, как флагом. — Ребята, на улицу!

Большая заводская печь. Утирая торопливо лицо, надевает куртку рабочий. Сзади одеваются другие.

У двери цеха на фоне сумрачного рассвета появляется молодой рабочий.

— Эй, ночная, давай! Утренняя уже строится.

Рабочий стоит во дворе на фоне зданий и труб.

Он взмахнул рукой, кричит:

— Сдвигайтесь теснее! Отворяйте ворота! Пошли!

Протяжный гудок.

Конный городской лихо повернул коня и помчался по сонной улице.

Гудят заводы, в переулке стоит кучка конных городских, впереди — офицер.

Городовой подлетает, отдает честь, орет, стараясь перекричать гудки:

— Так что обуховские пошли, ваше благородие!

Гудят и гудят заводы.

Конный наряд полиции перед Нарвскими воротами.

Офицер тревожно оглядывается. Лошади гулко ржут.

Из ворот какого-то небольшого завода выбегает рабочий, он глядит вдаль. Сторож пытается задержать рабочего. Тот с руганью отталкивает его и кричит в ворота:

— Эй, выходи, путиловские идут!

Распахнулись ворота завода, виден рабочий, стоящий на бочке, громогласно читающий прокламацию:

— «... Пусть не дымит ни одна заводская труба, не стучит молоток, не открываются магазины!.. Да здравствует социализм!»

Громовой голос:

— Пошли!

И, запевая «Марсельезу», двинулись вперед ряды рабочих. Фомка летит по улице.

— Газета «Правда»! Сегодняшние события!

Гудят заводы.

Отдаляется пение.

Фомка бежит переулком.

И вдруг его хватает чья-то рука.

— А! — говорит торжествующий городской. — Попался, приятель! Пошли в участок!

Он тащит упирающегося Фомку. Тот яростно кричит.

Городовой толкает его сапогами.

Фомка уцепился за сапоги, сильно дернул. Городовой падает.

Фомка вскочил, стрелой понесся прочь. Мчится по улице, прижимая сумку с «Правдой».

За ним — яростный свист. Бежит неуклюже городской. И вдруг, завернув за угол, Фомка застывает. Он даже не обращает внимания на то, что враг уже догоняет его. Слышен какой-то мощный шум. На лице Фомки ширится сияющая улыбка.

— Наши! — кричит он восторженно. — Наши идут!

Фомка бросился вперед. Чуть было не схвативший его городской остановился с разбегу, тяжело дыша, взглянул и попятился назад.

НАШИ ИДУТ!

Заполняя всю улицу, плечо к плечу, идут тысячи людей, идет рабочая демонстрация.

В небольшой комнате захудалого трактира сидит несколько человек. На столе — план города. Склонившись, рассматривает его Николай, рядом с ним — Максим и еще двое рабочих.

Лица у всех измученные.

Сзади, примостившись у подоконника, молодой технолог пишет воззвание.

— Так, — говорит Николай, — значит, здесь Батеница... Здесь Тимофеевская. Главная колонна должна пройти по Сампсониевскому.

Технолог пишет, перечеркивает, ерошит волосы. Вскочил, подошел к Николаю, протянул листовку:

— Не знаю, как здесь...

Быстро пробежав строчки, Николай говорит:

— Пиши: «царских палачей!..»

И вновь — к карте:

— Следовательно, казаков нужно ждать...

— С Финляндского, — показал Максим.

— С Финляндского, правильно... Главное, чтоб вышли «Металлический» и «Русский дизель»...

В дверь вбегает запыхавшийся рабочий.

— Как «Металлический»? — повернулся к нему Николай.

— Вышел.

— А «Дизель»?

— Ворота закрыты...

Рабочий тяжело дышит, жадно пьет воду.

— Большевики отговаривают выходить...

— Так, — сдвинув брови, говорит Николай... Повернулся к Максиму: — А ну-ка, Федор?

— Да?

— Беги, выводи завод!

Максим торопливо уходит. Николай идет к окну.

— Как с листовкой?

— Готова, — вскочил технолог.

Николай быстро читает.

— Хорошо... Очень хорошо!

По улице движется демонстрация. Разносится мощное пение, гремит «Марсельеза». Идут булочники, текстильщики, печатники, металлисты.

А по другой улице спешно идут городовые — усиленный наряд. Готовится схватка.

Максим и Павел подбегают к заводу с закрытыми воротами. Перед заводом гарцуют два конника... Максим остановился. Павел в отчаянии.

— Как крепость! И не попасть!

— Это нам-то, рабочим, не попасть? Беги, выводи Северный, а я проберусь.

Разошлись.

У ворот Северного завода бурлит толпа. Ораторствует празднично одетый Ерофеев. Слышны нетерпеливые восклицания.

Максим пробует крепость забора, какая-то доска поддалась... Он налег, пролез во двор. Бежит.

Во дворе завода — море голов. Рабочие столпились перед крыльцом заводоуправления, на котором стоит седобородый меньшевик.

Он кричит, надрываясь:

— Самозванные листовки вызывают вас на улицу. От имени социал-демократической партии вас зовут выступить. Товарищи! Я старый социал-демократ и я заявлю вам, что это ложь! Вас провоцируют...

С пением «Марсельезы» идет демонстрация. Бегут навстречу городовые.

— Разойдись!

Два отряда сталкиваются.

К рабочим Северного завода подбегает запыхавшийся Павел.

— Пошли! — кричит он и машет рукой.

— А Федор?

— На «Русском дизеле». Пошел сражаться с меньшевиками.

— Ах, нечистая сила! — восклицает яростно Ерофеев. — А ты его одного оставил? Его же опять убьют! Ребята, вперед!

Навстречу бегущему через двор Максиму бросается какой-то стражник.

— Куда? — орет он.

Вместо ответа Максим подставляет ему ножку. Стражник падает. Максим мчится дальше.

Главный двор.

Кричит седобородый оратор:

— ...Уличными шествиями, случайными забастовками вы растрчиваете мощь рабочего класса. Увольнения после забастовок у вас были?

Крики в толпе:

— Были!

Аресты после демонстрации были?

— Были!

— Видите, вместо того, чтобы накапливать силы, расти, развиваться и когда-нибудь предъявить грозный счет врагам, вы погибнете по одному. Верно я говорю?

— Верно! — раздается неслыханной силы голос.

Все поворачиваются.

Седобородый на секунду остановился, величественно махнул рукой:

— Слушайте, что говорит честный рабочий!

— Слушайте, — кричит Максим, стоя на карнизе стены, уцепившись за окно. — Мы погибнем по одному. Мы победим вместе.

— Остановите его! — кричит распознавший Максима оратор.

— Ваши братья, двести тысяч питерцев, на улице, а вы одни уйдете в тыл? Спрятаться вздумали? А каждый день вы не погибаете от штрафов, от голодовок, от кабалы?

Несколько человек — конторские служащие и стража — бросаются к Максиму.

— Держите его! — кричит какой-то инженер.

— Не верьте, это провокация! — надывается седобородый.

В толпе смятение. Рабочие бросаются к страже, начинается свалка.

— Не трожь его, не трожь! — кричит литейщик Мищенко. А Максим продолжает говорить:

— С той стороны — полицией и закрытыми воротами, с этой — речами вас хотят остановить. И вы остановитесь?

По улице стремительно идут Ерофеев и старики с Северного. Лицо Ерофеева дышит яростью. Он потрясает кулаками.

Поворот — и перед ними завод «Русский дизель».

Ерофеев бросается к воротам. В это время они раскрываются. Ерофеев едва успел вскочить на какую-то тумбу. Пылая гневом, он говорит бегущим к воротам рабочим:

— Товарищи!

Больше ему ничего не удается сказать.

Толпа выходит на улицу бурным потоком. Толпа выбрасывает к Ерофееву потного, задыхающегося Максима. Ерофеев сходит с тумбы, оттирает лоб, тяжело дышит, удовлетворенно говорит:

— Вот! Вот что значит Ерофеев! А не то была бы тебе крышка. Ну, чего стоишь? Я свое дело сделал, теперь ты иди, подсобляй мне!

— Иду! — послушно откликается Максим.

— Кого толкаете? — яростно кричит Ерофеев, пытаясь выбраться из несущейся толпы. — Стой, нечистая сила! Пиджак изорвете, первый раз надеванный.

— Опять обманывать? — раздается сбоку ворчливый голос.

Ерофеев живо поворачивается.

— А, Мищенко! — радостно восклицает он. — Ну что, хорошо я говорил?

— Хорошо, — убежденно говорит Мищенко, — почти, как я! Здорово это ты насчет самодержавия, и насчет республики, и насчет восьмичасового... И как это ты не боишься?

— Уж я такой...

Толпа рабочих Северного завода и «Русского дизеля» лавиной движется по улице. Из соседнего переулка выбежал какой-то рабочий без шапки, преграждает путь, кричит взволнованно:

— На Сампсониевском... бьют...

На проспекте казачий сотник подъехал к офицеру. Отирая пот, кричит:

— Ваше благородие, ничего тут нагайками не сделаешь!

Офицер хлестнул лошадь, мчится по проспекту. Его окружают казаки.

— Винтовки! — орет офицер.

С песней идут демонстранты.

В первых рядах Наташа.

Толпа рабочих во главе с Максимом, Ерофеевым, Павлом, Мищенко торопливо идет, почти бежит, переулками. Демонстранты подбирают по дороге камни, сжимают гайки в руках.

Снимаются ружья, раздался лязг затворов.

Демонстрация остановилась, подалась назад.

— В безоружных? — гневно кричит Наташа.

— Пли!

Стремительный залп.

— А!

Из переулка выскакивают рабочие.

— Сволочи! — возмущенно кричит Павел.

— И — эх! — размахнулся Мищенко, швырнул камень.

— Бей!

Каменный дождь засыпает казаков. Камни гулко стучат, ударяясь о забор.

Залп.

— Бей!

Железными гайками осыпают рабочие казаков. Лошади ржут.

— Бей!

Каменный и железный ливень сыплется на казаков. Они поворачивают лошадей, скачут прочь. Несколько лошадей мчится без всадников. Окровавленные казаки бегут, догоняя их.

Торжествующий Ерофеев яростно кричит:

— Удрали! Ерофеева испугались?

— Не хвались! — говорит, тяжело дыша, Максим. — Вернутся.

Лицо Ерофеева побагровело от злобы.

— Вернутся? Думаешь, побоюсь?! Врешь, нечистая сила! Не уйду с улицы. Моя!

— Правильно! — отзывается Мищенко. — В пятом году я на Бронную казаков не пускал и сейчас не пушу.

— Не пустишь? — спрашивает Максим. — И, повернувшись, к толпе: — Ваше слово!

— Драться! — кричит Павел.

— Не пускать! — раздается женский голос.

Максим поворачивается и видит Наташу. Погное, грязное от пыли лицо его становится радостным.

— И ты за это? Хорошо!

Он бросается к афишной тумбе, толкает ее раз, два. Тумба качается.

— Эй, подсобляй!

Мищенко, Павел, Ерофеев бросаются к столбу. Толчок — столб с грохотом падает.

Пожилый рабочий восторженно кричит:

— Баррикады!

— Строй баррикаду!

Максим — на тумбе. Взмахнул рукой.

— Товарищи!

— Товарищи! — призывает, становясь рядом, Ерофеев.

— Мы не хотим крови. Царские палачи открыли стрельбу по мирному шествию. Пусть же они получают наш ответ: по этой улице им не пройти!

— Не пройдут!

— Тащи лопаты, кирки, доски! Рой мостовые, строй баррикады!

Лом и кирки вонзились в мостовую — булыжник летит вверх; лопаты врезались в землю — летит земля, пошли в ход топоры. Срывают ворота с петель. Срывают вывески. Валят столбы.

Бегут люди с мешками.

Ерофеев тащит мешок, перед ним, мешая ему, Мищенко несет на могучих плечах фонарный столб.

— Как тащишь? — брюзжит Ерофеев. — Разве так тащат?

— Я паровоз стащу, — отвечает Мищенко, — а это мне апчхи!

Какой-то парень с бочонком хочет пробраться вперед, кричит:

— Эй, посторонись!

Двое рабочих сейчас же набрасываются на него:

— Куда лезешь? — спрашивает Ерофеев.

— Поперек литейщиков лезешь? — кричит Мищенко.

В другой стороне Наташа и молодые рабочие утрамбовывают мешки.

— Вы, барышня, с какого завода будете? — кричит молодой парень.

— Из «Правды».

Кто-то отозвался:

— Хороший завод!

Максим сидит с куском бумаги, чертит грубый план.

— Двор № 17 — проходной, — резюмирует он, — значит, в мышеловке мы не окажемся.

По другой улице идет демонстрация.

Песня.

Какой-то рабочий подбегает, машет рукой, кричит:

— Товарищи! На Выборгской баррикады!

По переулку быстро идет отряд городовых.

По проспекту к баррикаде бежит запыхавшийся Фомка... Он, как кошка, взбирается наверх, с восторгом озирается.

— Сегодняшняя газета «Правда!» — кричит он. — Выходит без печати и без бумаги. Редактор-издатель — Фомка. События в городе: двести тысяч на улицах! Рабочие на Невском! Наша берет! Ур-ра! Он скатывается вниз и говорит: — А вы берегитесь! Идут фараоны.

— Товарищи! — кричит Максим. — Становись! Не высовываться!

— А главное-то и забыл, — говорит Наташа. — Вынимает сверток и поднимается на баррикаду.

Максим идет за ней.

Вбивают палку в баррикаду. Дунул ветер — и над баррикадой взвилось знамя.

Тишина.

Максим радостно говорит Наташе:

— Вот мы и вдвоем. Всегда мечтал зажечь как следует: жена, самовар, дети...

Они улыбаются.

— Какой сегодня хороший день! — мечтательно говорит Максим.

Наташа вздыхает:

— Замечательный!

А Ерофеев говорит литейщику:

— Боюсь я самого себя! Я сегодня, пожалуй, пол-эскадрона порушу.

— А ты не страшись! — отзывается Мищенко. — Не успеешь — я за тебя порушу.

Тишина. Люди застыли на месте. Потом издали едва слышно:

— Эй, там! Уходи! Стрелять будем!

Молчание.

Руки сжимают револьверы, камни.

Отряд городских направляется к баррикаде.

Ветер развеивает красное знамя.

Максим запеваёт громко, взволнованно:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног...

Звонкие голоса подхватывают:

Нам не надо золотого кумира,
Ненавистен нам царский чертог...

Линия вооруженных полицейских идет на баррикаду.
Поют рабочие:

Мы пойдем к нашим страждущим
братьям;
Мы к голодному люду пойдем.
И пошлем мы злодею проклятья
И на бой мы его позовем!..

Идет с ружьями наперевес полиция.

Песня все гремит.

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на борьбу, люд голодный!
Раздайся клич мести народной,
Вперед, вперед, вперед!

Идет полиция.

— На места!

И вновь запевают могучий голос литейщика:

Богачи, кулаки жадной сворой
Расхищают тяжелый твой труд...

Полиция остановилась в сотне шагов от баррикады.

Твоим потом жиреют обжоры,
Твой последний кусок они рвут!..

Залп. Пули щелкают о мостовую впереди баррикады.

— Недолет! — кричит азартно Фомка.

Голодай, чтоб они пировали,
Голодай, чтоб в игре биржевой
Они совесть и честь продавали,
Чтоб глумились они нац тобой...

Полицейские, ободрившись, идут вперед.

Голос Максима:

— Пли!

Стрельба. Городовые падают, стреляя, отбегают и прячутся.

На баррикаде упало двое рабочих.

— Кого запугать хотите? — кричит Ерофеев. — Питерского рабочего, токаря Ерофеева? Врешь, нечистая сила!

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на борьбу, люд голодный!
Раздайся клич мести народной...

Прячась за трубами, стреляют рабочие с крыши, стреляют с баррикады.

Вперед, вперед, вперед!

Стреляют полицейские, падает рабочий с крыши. На баррикаде рабочие сменяют убитых. Дождь пуль осыпает баррикаду.

— Эх, дьяволы! — восклицает Мищенко. Ерофеев яростно стреляет.

— Оружия нет! — стонет Павел. — Разве ж это оружие!

— Дай револьверам остыть! — раздается спокойный голос Максима. — Разорвет!

— Вот это командир! — одобрительно шепчет старик рядом с Ерофеевым. — Стреляный!

— Моей школы, — отрывисто говорит Ерофеев, подмигивая. — Двадцать шесть лет... А!..

Пуля попадает Ерофееву в грудь.

Он падает.

Максим подбегает к нему с глазами, полными слез.

По набережной быстро идет рота солдат, офицер покрикивает:

—левой!левой! Прибавь шаг!

Максим поднимается. Одинокий выстрел — пуля проносится мимо лба Максима. Он с досадой отмахивается, поднимает руку ко лбу. Рука в крови. Максим смотрит вперед. Лицо его постепенно воодушевляется. Вокруг него лежат убитые, сидят перевязанные раненые.

— Ну? — говорит Максим таким голосом, что поднимаются все здоровые и большая часть раненых.

— Ну? — повторяет Максим и заканчивает жестом.

И вдруг большинство защитников баррикады бросается вслед за Максимом в проход.

— Вперед!

— Бей!

Рабочие налетают на городских в воротах, на улице, за столбами. Идет расправа над застигнутыми. Удирают другие. С колена стреляют в них рабочие.

— Бей!

И вдруг страшный крик раздается на другой стороне баррикады.

Рабочие повернулись.

Прорвалась через посты, бежит на баррикаду орава солдат.

Отчаянная стрельба.

— Максим! — раздается отчаянный крик.

— Наташа!

Максим вскочил на баррикаду, пуля сшибает его. Он падает. Павел и двое рабочих оттаскивают его.

— Неси через проходной! — кричит один из рабочих.

Павел, схватив Максима на руки, бросается в соседние ворота.

Лавина солдат заполняет баррикаду.

27 ИЮЛЯ БЫЛИ РАЗБИТЫ ПОСЛЕДНИЕ БАРРИКАДЫ НА
ВЫБОРГСКОЙ СТОРОНЕ.

1 АВГУСТА РОССИЯ ВСТУПИЛА В МИРОВУЮ ВОЙНУ.

С портретом царя, национальными флагами, с чадящими факелами идет, хрипло восклицая «ура!», и еще раз «ура!», и снова «ура!», шествие — сидельцы, мясники, дворники. Впереди всех, словно дирижируя и руководя, идет конторщик Платон Васильевич; он льян и горд, он — на гребне событий.

Видя его зверскую физиономию, торопливо снимают шапки прохожие на панели. Человек в котелке и дымчатых очках смотрит на приближающуюся процессию и идет прочь в переулок.

Крики «ура» отдаляются, человек в котелке и дымчатых очках вошел в квартиру Тураева; сам депутат стоит у телефона, слушает, с усталой улыбкой на лице говорит:

— Ладно! Мое почтение!

Человек в котелке снимает очки — это Максим.

Тураев вешает трубку, пожимая плечами, говорит Максиму:

— Третий раз обещают меня повесить!..

Неимоверный грохот и звон: булыжник, брошенный с улицы, разбил стекло в окне, упал на пол.

— Что это? — говорит Максим.

Тураев угрюмо отвечает:

— Балуются.

Оба идут в другую комнату. За книжным столом сидит Николай: он пишет, перелистывая газеты. Поднял голову.

— Здравствуй, Максим! — приветливо говорит он. — Что так мрачен?

— Судили их сегодня, — тихо говорит Максим, — Наташу, Мищенко, Павла... Наверное, Сибирь.

Секунда молчания.

Тураев вздыхает:

— Может, встретимся. По всей видимости, и моей депутатской неприкосновенности скоро каюк.

Сдвинулись стулья, три человека говорят тихо и быстро.

Максим:

— Комитет я сколотил...

— Сколько?

— Семь человек.

— Кто?

— Люди новые, но надежные. Кроме того, на случай ареста, ссылки, угона на фронт четверо в запасе.

— Кто для связи?

— Егор.
— Хорошо, — говорит Николай, — как шрифт?
— Достают. Как ты указал, крупный, курсивный, чтоб даже в деревне мог прочесть самый что ни есть малограмотный.
— Хорошо! — одобрительно говорит Николай, — очень хорошо. — И, повернувшись к Тураеву: — Замену ему подготовил?
— Антон, — отвечает Тураев.
— Так, — задумчиво говорит Николай, — ну, что ж!
Встал, положил руку на плечо Максиму:
— Хорошо наладил работу. Жалко с тобой расставаться, а надо. Партия поручает тебе, Максим, новую ответственную работу!

И МАКСИМ ПОШЕЛ НА НОВУЮ РАБОТУ.

Дождливый осенний вечер. Длинный, слякотный перрон. Слышна команда:

— Шагом арш!

Топот ног; идут по перрону бесконечные ряды отправляемых на фронт солдат. Стоят готовые к отправке составы. Топот сапог — монотонный, угрюмый — не прекращается.

По перрону идет важный военный, рядом с ним — седобородый меньшевик; он «великолепен» — на нем форма союза земств.

— Теперь, — говорит военный, — вопрос только в победе. После нее — свобода. Вот он, сермяжный воин, который сломит шею врагу и выведет Россию на светлый путь!

Перед ним спиной стоит невысокий солдат. Военный ласково положил руку на его плечо:

— Выведешь, братец, Россию на светлый путь? — спрашивает он.

Солдат делает полный поворот, пристукивает каблуками. Это — Максим.

— Так точно, ваше высококорodie! — гаркнул он. — Выведем!

— Молодец! — похвалил военный.

— Рад стараться, ваше высококорodie! — лихо отвечает Максим; повернулся, идет.

Седобородый меньшевик остался стоять с широко разинутым ртом.

Издали слышится команда:

— Сади-ись!

— Прекрасный солдат! — говорит военный, глядя вслед Максиму.

Седобородый отчаянно закашлялся.

Загудел паровоз.

Проплыли теплушки.

Поезд пошел.

Мелькают дома, улицы — в пелене дождя, в сумерках.

Все быстрее, быстрее идет поезд, гроыхает состав.

Теплушка. Открыта дверь. Солдаты глядят на остающийся позади город.

— Эх-ма! — вздыхает солдат, — прощай, мой город Питер! Бог знает, вернемся ли!

— Навряд! — говорит другой.

Максим сидит тут же, на ящичке, гармонь в его руках. Стучат, гремят колеса, рельсы.

— Почему не вернуться, — говорит Максим. — С того света люди не возвращаются. И то — бывает. А на этом... — С веселой улыбкой махнул рукой: — Поживем еще, покурим... Нет ли бумажки, братцы?

Солдат роется в карманах шинели. Вытащил какую-то бумажку.

С удивлением глядит на нее:

— Это откуда взялось?

— И у меня тоже! — вынул из кармана бумажку другой солдат.

Первый солдат развернул, смотрит, читает вслух:

— «Долой войну!»

Испуганно оглянулся. Солдаты сдвинулись к нему, лица оживились.

Раздались голоса:

— А ну, читай, читай!

Максим тоже выражает удивление — что за бумажка такая. Оглянулся и таинственно говорит:

— Читай! А чтобы не вышло чего, мы и слушать станем и песню споем. Песня, друг, никогда не помешает. А ну, братцы?

Рванув гармонь, заиграв негромко, он с силой и с неизменным оптимизмом запекает любимую:

Крутится-вертится шар голубой,
Крутится-вертится над головой...

Незаглушаемое песней, идет медленно чтение листовки:

— «Товарищи солдаты! Вас призывают умирать во славу царя, расстреливающего голодных крестьян, душащего в тюрьмах рабочих...»

Звонит песня:

Где эта улица, где этот дом?
Где эта барышня, что я влюблен?

И звучат слова листовки:

— «Пусть же знают цари и их правительства, что солдатские винтовки обратятся против них. Товарищи! Храните оружие! Близок день!..»

Пронесется дома, заборы, мосты.

Все громче, яростней хор:

Вот эта улица, вот этот дом,
Вот эта барышня, что я влюблен!

Пронзительно и долго гудит паровоз.